

ukraino-rossijskij Dialog
Ukraina i Rossija:
Uroki Reform i Perspektivy
Украинско-российский диалог:

**УКРАИНА И РОССИЯ:
УРОКИ РЕФОРМ И ПЕРСПЕКТИВЫ
РАЗВИТИЯ СОТРУДНИЧЕСТВА**
Razvitija Sotrudničestva

Материалы
международной научной конференции

Materialy meždunarodnoj
naučnoj konferencii

[Jalta, 17 - 18
sentjabrja
1988 g.]

A 99 - 00082

Международная конференция
**«Украина и Россия: уроки реформ
и перспективы развития сотрудничества»**

Организаторы:

- Украинский научный журнал «Політична думка»
- Журнал «Полис» (Россия)
- Фонд Фридриха Эберта

17-18 сентября 1998 г. в Ялте состоялся 5-й этап украинско-российского диалога, инициированного украинским научным журналом «Політична думка» и российским научным и культурно-просветительским журналом «Полис».

**Материалы конференции изданы при поддержке
бюро Фонда Фридриха Эберта по сотрудничеству в Украине**

*Издание подготовлено на основе текстов докладов,
а также фрагментов стенограммы выступлений участников конференции.*

Подписано к печати 5.11.98.

Тираж — 250 экз.

© «ПОЛІТИЧНА ДУМКА», 1998

СОДЕРЖАНИЕ

Два года «Украинско-российскому диалогу» <i>Винфрид ШНАЙДЕР-ДЕТЕРС</i>	4
Проблемы экономической самоидентификации Украины и России <i>Игорь БУРАКОВСКИЙ</i>	9
Изменения в концептуальных подходах к выработке экономической политики <i>Игорь ПУЗАНОВ</i>	14
Альтернативы развития Украины и России <i>Михаил ИЛЬИН</i>	25
Вопросы реформ во внешней политике Украины <i>Александр ДЕРГАЧЕВ</i>	31
Виртуальное поле украинско-российских отношений <i>Анатолий ГУЦАЛ</i>	37
Массовые политические ориентации в посткоммунистической России <i>Андрей МЕЛЬВИЛЬ</i>	44
Восприятие и оценка экономических преобразований в Украине и России <i>Сергей МАКЕЕВ, Денис СЕВРЮКОВ</i>	55
Президентская и парламентская республики как формы демократического транзита (российский и украинский опыт в мировом контексте) <i>Виктор КУВАЛДИН</i>	62
Роль центра в осуществлении политических и экономических реформ <i>Татьяна АЛЕКСЕЕВА</i>	69
Первое пятилетие декабрьской республики в России: конструирование институтов и структурирование интересов <i>Петр ФЕДОСОВ</i>	73
Современный кризис в контексте оценки политического процесса в Украине <i>Микола ТОМЕНКО</i>	80

ДВА ГОДА «УКРАИНСКО-РОССИЙСКОМУ ДИАЛОГУ»

Винфрид ШНАЙДЕР-ДЕТЕРС — руководитель Бюро Фонда им. Фридриха Эберта по сотрудничеству в Украине

Осенью 1996 года, спустя пять лет после распада Советского Союза, когда в Киеве впервые в рамках диалога встретились российские и украинские обществоведы, царило определенное «безмолвие» в отношениях между Россией и независимой Украиной, равно как и в отношениях между учеными обеих стран. Благодаря, прежде всего, инициативе редакторов двух научных журналов — «Політична думка» в Киеве и «Полис» в Москве — удалось наладить общение между специалистами Украины и России в новых условиях. И сегодня, когда этот диалог проводится в пятый раз, я испытываю чувство радости от того, что мы, то есть оба бюро Фонда имени Фридриха Эберта в Киеве и Москве, смогли вместе со своими партнерами сделать этот обмен мнениями постоянным.

Именно чрезвычайно важное значение российско-украинских отношений для всей Европы побудило Фонд имени Фридриха Эберта оказать поддержку организации двустороннего диалога между Россией и Украиной. Все заинтересованы в том, чтобы Восточная Европа не утратила связь с Западной Европой, вновь обретенную в конце нынешнего столетия. Фонд имени Фридриха Эберта стремится внести вклад в содействие процессу интеграции России и Украины в общеевропейские структуры.

Во время первых встреч российских и украинских ученых дискуссии носили преимущественно «исторический» характер, преобладали ощущения эмоциональной травмы, обусловленной разединением Украины и России. Однако в ходе последних встреч дискуссия проходила в менее скованной атмосфере и касалась конкретных проблем в современных отношениях между двумя странами.

Теперь и правительства обоих государств перешли от переговоров о разделе общего наследия к обсуждению перспектив взаимного экономического сотрудничества.

Уроки «кризиса реформ»

Неэффективность либералистской концепции реформ

Темой нынешнего пятого диалога, на наш взгляд, должны стать уроки, которые можно извлечь из сопоставления процессов реформ в России и Украине. С учетом разразившегося финансового кризиса в России и Украине, на мой взгляд, наступило время критической оценки концепции реформ, в соответствии с которой и Россия, и Украина пытаются справиться с переходом от государственно-плановой к рыночной экономике.

Считаю, что обе страны последовали плохому совету, начав процесс реформирования с повальной либерализации, которая, собственно, может лишь венчать процесс успешного завершения переходного периода. Я разделяю мнение бывшего канцлера Германии Гельмута Шмидта (высказанное в газете «Ди Цайт», №37 от 3 сентября 1998 года), что «глупые советы» со стороны Америки и Европы принесли российской и украинской экономике больше вреда, чем пользы. Результаты семилетней малоэффективной «политики реформ» в России и Украине порождают сомнения в экономической мудрости международных финансовых институтов.

Понятие «реформа», какими бы разными ни были подходы к ней в России и Украине после распада Советского Союза — основано на ошибочном представлении о том, что «рынок» автоматически обеспечивает экономическое развитие. На мой взгляд, навечно полагать, что экономика, в которой на протяжении 75 лет безраздельно властвовали принципы государственного планирования и централизованного управления, и которая была, главным образом, оборонной, за один день может быть преобразована в гражданскую экономику, подчиняющуюся рыночным законам, способную интегрироваться в мировой рынок с его чрезвычайно высоким уровнем конкуренции.

Экономические законы, которые оказались благоприятными для высокоразвитых и конкурентоспособных на мировом рынке хозяйств, неприменимы ни для экономических систем, которые находятся в процессе неоиндустриализации — как, например, в странах Юго-Восточной Азии, — ни для «старых промышленных государств» распавшейся социалистической системы в Восточной Европе, которые переживают переходный период.

Так, принцип свободного движения капиталов (статья VIII/2 Договора МВФ), в высшей степени полезный для наиболее развитых промышленных стран мира, оказался вредным для развивающихся и трансформирующихся систем экономики. Попытки переноса того, что является жизнеспособной экономической теорией, реализованной в хозяйственных связях между Северной Америкой и Западной Европой, на отношения этих же стран с Россией и Украиной оказывается на поверку чисто либералистской идеологией.

Китай и Корея — авторитарные модели развития хозяйства

В этой ситуации следует обратиться к авторитарным моделям хозяйственного развития в Северо-Восточной и Юго-Восточной Азии, в особенности в Корее — естественно, в ее южной части — и в Китае, причем как в материковой, так и островной части этого государства (остров Тайвань).

На примере Южной Кореи можно поучиться тому, что нужно и чего нельзя делать. Эта страна исправляет свои ошибки в сфере финансов посредством радикальных реформ. Имеющиеся в ее распоряжении реальные активы дают ей возможность после внесения необходимых корректив в свою финансовую политику встать в один ряд с наиболее развитыми промышленными странами мира.

«Китайский путь», предполагающий сильное политическое руководство, неприменим более ни в условиях России, ни в условиях Украины. Момент для этого упущен в начале 90-х годов. В настоящее время и Украина, и Россия мало что могут позаимствовать и у Германии. Длившееся годами пренебрежительное отношение к научным исследованиям и образованию, гипертрофированное государственное регулирование экономики, социальная политика, тормозящая рост производительности труда, ослабили структурную конкурентоспособность немецкой экономики.

Взвешенный протекционизм в области национальной промышленности

Для того, чтобы подтянуть отсталую экономику к стандартам мирового рынка, создать конкурентоспособное производство, не-

обходимы время и взвешенный протекционизм в отношении собственного производителя. Естественно, нельзя допустить, чтобы такая «защита» отечественного производства превратила его в «заповедник» неэффективности, со временем она должна постепенно исчезнуть. Свежий ветер из-за рубежа необходим для того, чтобы раздуть жар предпринимательства. Однако не следует раскрывать ворота навстречу сильному ветру со стороны мирового рынка слишком широко, так как он может вообще смести отечественное производство.

Контроль за краткосрочными финансовыми сделками

Мировой финансовый рынок, ускользающий из-под контроля центрбанков и наблюдательных органов национальных государств, т.е. торговля валютой и операции с ценными бумагами, является постоянным фактором угрозы для экономических систем, которые находятся на стадии индустриализации или трансформации. Надежным заслоном против спекуляции на финансовых сделках может стать лишь контроль за краткосрочным движением капитала. Контроль за движением капитала не подрывает доверие западных инвесторов, как утверждают ложные «друзья», а наоборот, укрепляет его.

На Западе Германии, который пережил эпоху послевоенного экономического расцвета, контроль за валютными операциями был упразднен лишь спустя десять лет после реформирования расширенной войной денежной единицы, когда экономика обрела способность противостоять спекулятивным сделкам вокруг немецкой марки. Если бы конвертация немецкой марки произошла еще во время войны в Корее, то это неминуемо привело бы к ее массовому «бегству» в сторону американского доллара. Само собой разумеется, что требование ограничить краткосрочные финансовые операции отнюдь не означает, что необходимо препятствовать притоку иностранных инвестиций в отечественное производство, равно как и вводить ограничения в международной торговле за счет кредитного финансирования. Таможенные барьеры и контроль за движением капиталов не являются идеологическим оружием, — как утверждают либералисты, — а средством прагматической экономической политики.

И для России, и для Украины наступило время эмансипации от международных финансовых институтов и создания собственных, национальных концепций реформ, целью которых стал бы экономический и общественный строй, органически вписывающийся в европейское пространство, и в которых были бы определены этапы переходного периода. Все более остро ощущающаяся нехватка ресурсов МВФ практически работает на благо обеих стран. Так, разрушенная в ходе гражданской войны Южная Корея начала развиваться лишь после того, как в начале 60-х годов были прекращены поставки американской гуманитарной помощи.

Европа — ее западная часть — должна поддерживать национальные концепции реформ в России и Украине и не имеет права отдавать западную политику в отношении России и Украины только на откуп МВФ. При этом для Европы на переднем плане не должен стоять вопрос о гарантиях по обслуживанию долгов. Реализация огромного экономического потенциала России и Украины, их интеграция в общеевропейские структуры отвечает интересам Западной Европы. Однако эффективными средствами европейской «восточной политики», ориентированной на экономическое развитие, являются не финансовые кредитные вливания в государственные бюджеты, а прямые инвестиции в новые промышленные отрасли.

Вывод, который можно сделать из очевидной неудачи либералистской концепции реформ, пришедшей с Запада, один: не «возврат к социализму», а последовательное осуществление прагматической национальной концепции реформ, ядро которой составляет модернизация промышленности, в особенности, приоритетная поддержка высокотехнологичных новых предприятий.

ПРОБЛЕМЫ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ САМОИДЕНТИФИКАЦИИ УКРАИНЫ И РОССИИ

Игорь БУРАКОВСКИЙ — доцент кафедры экономической теории Национального университета «Киево-Могилянская Академия», доктор экономических наук

Экономическая самоидентификация государства представляет собой процесс выработки понимания его реального места в системе международного разделения труда, степени и механизма воздействия внешней среды на национальное экономическое развитие, на основе которого вырабатывается текущая и долгосрочная экономическая политика.

Очевидно, что процесс такой самоидентификации является весьма сложным и противоречивым, поскольку его конкретными носителями выступают национальная интеллектуальная и политическая элита, которая сама по себе является неоднородной. Следует также отметить, что названная самоидентификация происходит также на уровне обыденного сознания и, таким образом, выступает в качестве важного фактора формирования общественного мнения.

Этот процесс в России и Украине имеет ряд особенностей. Россия традиционно продолжает считать себя государством «глобального уровня», то есть экономическим игроком, действия которого если не сейчас, то в ближайшем будущем будут во многом определять динамику и вектор мирохозяйственных связей. Для нее последние 10-15 лет характерна тенденция углубления сырьевой специализации. В результате этого у части экономической и политической элиты практически сформировалось убеждение, что именно сырьевой сектор объективно является основой экономического развития страны. В Украине ситуация складывается несколько по-другому в связи с особенностями минерально-сырьевой базы, хотя основу экспорта также составляют товары с низкой степенью переработки. При этом Украина является малой в экономическом смысле державой, которая может реально повлиять лишь на весьма ограниченное число мировых товарных рынков, тогда как воздействие России на мировой нефтегазовый рынок имеет глобальный характер. Вследствие этого падение мировых цен на нефть яв-

ляется серьезным экономическим ударом для России, тогда как украинская экономика в данной ситуации потенциально выигрывает.

Ряд предприятий России (Газпром, «Лукойл», РАО «ЕЭС России», Мосэнерго, Сургутнефтегаз, Ростелеком) уже сейчас возглавляют список 50 крупнейших компаний Восточной Европы и входят в первые 500 крупнейших европейских компаний. В то же время Украина на сегодняшний день не имеет компаний с такими масштабами деятельности.

Вместе с тем, экономическая самоидентификация России и Украины имеет ряд общих черт. Оба государства не без оснований связывают свою перспективу с развитием наукоемких и высокотехнологичных производств. Таким образом, они заинтересованы во вхождении не только в товарно-производственное, но и в международное научно-техническое и технологическое разделение труда. И Россия и Украина имеют достаточно емкие внутренние рынки и достаточно высокий уровень промышленного развития, что дает основания сделать вывод о значительных возможностях рационального импортозамещения. Экономическая политика и России, и Украины (и двусторонние отношения в том числе) в растущей мере испытывают на себе влияние международных межгосударственных экономических институтов. Такое влияние объективно усилится после вступления этих государств в ГАТТ/ВТО и принятия на себя соответствующих обязательств. Обе страны объективно заинтересованы в выходе на рынки промышленно развитых стран, но и вместе с тем сознают важность экономического сотрудничества в регионе СНГ в целом и двусторонних отношений в частности.

Уже сегодня между странами возникает определенная конкуренция на рынках третьих стран, которая в условиях стабилизации экономического положения в России и в Украине усилится. Развитие экономического сотрудничества в регионе СНГ в целом и двусторонних контактов между Украиной и Россией в частности требует четкого уяснения его принципиальной материально-вещественной структуры. Как правило, в качестве такой основы в странах СНГ рассматривается существовавшее внутрисоюзное разделение труда; предполагается, что на его основе можно возродить ранее существовавшие организационно-технологические связи. Поэтому в данном случае можно говорить о сотрудничестве, базирующемся на так называемом традиционном внутрисоюзном разделении труда, или о традиционной модели кооперации в широ-

ком смысле этого слова (причем сказанное в полной мере относится и к кооперационным связям на внутригосударственном уровне). Очевидно, что такая модель может быть реализована лишь в том случае, если предприятия обеих стран экономически заинтересованы в ее реализации. Наибольшие перспективы в этом направлении имеет сотрудничество по модели сырье (Россия) — переработка/транспортировка (Украина).

Появление рыночных отношений означает пересмотр ранее сложившихся связей на основе критерия экономической целесообразности. При прочих равных условиях будут развиваться лишь те из них, которые являются экономически выгодными для всех участников (причем величина такой выгоды для каждой из сторон в значительной мере испытывает на себе влияние не только «своего» государства, но и государства своего партнера).

Становление рыночных отношений в обеих странах сопровождается появлением новых кооперационных связей в силу прихода на национальные рынки инвесторов из третьих стран. Кроме этого, целый ряд товаров, поставляемых из-за рубежа, сегодня изготавливается национальными производителями. В результате этого происходит формирование новых кооперационных связей, что позволяет говорить о появлении новой кооперационной модели в каждом из государств.

Составной частью становления независимых государств на месте бывшего СССР является формирование национальных интересов, которые (и это вполне нормально) не могут не входить в противоречие. В частности, по целому ряду позиций новые независимые государства теперь могут конкурировать друг с другом. В качестве примера такой конкуренции можно рассматривать выход на внешний рынок Азербайджана и его вступление в конкуренцию с Россией.

Можно сделать вывод о том, что сегодня и в регионе бывшего социалистического содружества и в регионе бывшего СССР происходит весьма болезненный процесс становления нового международного разделения труда, отягощенный в отдельных странах продолжающимся системным кризисом. Главным результатом становления такого нового международного разделения труда является, на наш взгляд, изменение экономического и политического статуса в широком смысле этого слова бывших союзных республик в целом и России и Украины в частности.

Экономические отношения между нашими странами сегодня имеют два уровня: межгосударственный и межпредпринимательский. Причем эти два уровня практически не взаимодействуют один с другим. Исключением являются, пожалуй, межправительственные контакты по поводу поставок газа в Украину. На уровне предприятий наибольший интерес российские предприниматели проявляют к возможностям приватизации наиболее перспективных украинских промышленных объектов, расширения присутствия в тех сферах украинской экономики, которые в России уже сравнительно развиты. Требуют решения на межгосударственном уровне вопросы поставок газа из России в Украину и расчетов по ним, а также транспортировки российского газа и нефти в Европу через территорию Украины. Назрело политическое решение унаследованной проблемы раздела зарубежных активов и долгов бывшего СССР и приобретенной — российского НДС на украинские товары.

В ближайшее время вряд ли стоит ожидать массового притока российского капитала, поскольку традиционно российские предприниматели интересовались лишь отдельными предприятиями, а сейчас в условиях кризиса такой приток практически невозможен. К настоящему времени практически не созданы или не функционируют украинско-российские финансово-промышленные группы. В этой связи следует отметить, что политические декларации о стремлении к взаимному сотрудничеству не подкреплены реальными экономическими интересами.

Главная проблема, которая тормозит сотрудничество, заключается в отсутствии благоприятного инвестиционного климата в странах, который бы способствовал снижению трансакционных издержек. Очевидно, что эта проблема не будет решена без выхода обеих стран на траекторию экономического роста. В обеих странах ожидают быстрых результатов относительно масштабов и эффективности сотрудничества, тогда как процесс становления нормальных экономических связей является весьма длительным. Реализация стратегии Украины, направленной на вступление в ЕС, неминуемо поставит вопрос о пересмотре ряда соглашений Украины с Россией и другими бывшими советскими республиками. Таким образом, кроме, так сказать, факторов традиционного плана двусторонние отношения будут во многом определяться новыми факторами, действие которых можно достаточно точно спрогнозировать уже сегодня.

Если говорить в общем плане, то оба государства сегодня нуждаются в реальном понимании механизмов и особенностей той экономической системы, которая сменила административно-командную экономику. Очевидно, в современных условиях анализ в терминах «рынок — нерынок», «начальная стадия рынка — конечная стадия формирования рыночной системы» по меньшей мере недостаточен. В этой связи следует отметить, что проблемы, с которыми столкнулись Украина и Россия, нельзя, по нашему мнению, рассматривать как кризис рыночной модели экономики. Скорее всего, речь может идти о кризисе той экономической модели, которая сегодня реализуется в обеих странах.

События августа-сентября 1998 года жестко поставили перед Украиной и Россией вопрос о необходимости радикальных изменений в экономической политике и, в частности, о реформировании реального сектора экономики. Иными словами, речь идет о переосмыслении опыта экономического реформирования прежних лет и оптимизации стратегии дальнейших экономических преобразований.

ИЗМЕНЕНИЯ В КОНЦЕПТУАЛЬНЫХ ПОДХОДАХ К ВЫРАБОТКЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ

Игорь ПУЗАНОВ — научный консультант Президента Украины, заведующий отделом международных экономических отношений НИИ Минэкономики Украины, кандидат экономических наук

Углубление процесса интернационализации и рост глобализации привели к значительным изменениям в управлении экономической политикой. Последние 20 лет в мире наблюдается серьезная трансформация экономической политики. Однако особенно заметно этот процесс начал проявляться с начала 90-х гг. В условиях мирового финансового кризиса, особенно в бывших постсоветских государствах, поставлены под сомнение фундаментальные цели и инструменты экономической политики. Объективные сложности новых теоретических и практических проблем дополняются политическими и идеологическими дискуссиями относительно приемлемости зарубежных моделей и рецептов в условиях новых независимых государств. Одновременно становится очевидной практическая необходимость более полного учета социальных и политических условий реализации определенной экономической стратегии.

После второй мировой войны преобладала тенденция, в соответствии с которой регулирующая роль государства, в широком понимании, должна была обеспечить:

- гарантию макроэкономической стабильности;
- экономический рост;
- минимальный уровень благосостояния для граждан.

Степень и форма государственного вмешательства в экономическую деятельность изменяется в зависимости от страны и включает регулирование определенных рынков и ответственность за производство и распределение в некоторых или всех областях производительной деятельности.

Изменение требований к роли государства в регулирующем процессе начало наблюдаться в связи с явной неспособностью рыночного механизма решить проблемы, которые возникли в развитых странах в 30-е гг. Крайне необходимым стало обоснование новых подходов. В этот период и появились теоретические работы Кейнса, который утверждал, что ни одна развитая страна не до-

стигла серьезных успехов в экономике без поддержки и вмешательства государства, и настаивал на усилении его роли.

С начала 70-х гг. вследствие появления признаков экономического кризиса снова начали меняться подходы в экономической политике. В развитых странах кризис проявлялся в замедлении темпов экономического роста, растущей безработице и инфляции и развале Бреттон-вудской валютно-кредитной системы. В этот период начала преобладать точка зрения, согласно которой проявляющийся экономический кризис стал результатом кризиса политики государственного регулирования.

Основное внимание сосредоточивалось на вопросе инфляции и монетаристском подходе к ее причинам. Ключевой момент монетаристского подхода, который активно использовался в 50-е — 60-е гг., заключался в том, что уровень цен зависит от эмиссии денег и кредита. Такой подход казался технически и политически нейтральным, однако предоставлял огромные возможности для законодательного вмешательства и использования широкого инструментария экономического регулирования.

Один из аспектов денежно-кредитного объяснения инфляции заключался в том, что увеличение доступности кредита и денег может уменьшить безработицу и увеличить реальный объем производства в краткосрочном плане, поскольку растет спрос и потребление, а в долгосрочном плане не будет наблюдаться никакого влияния на занятость и объемы производства. Отсюда один шаг до предположения, что уровень занятости не был соответствующим образом связан с экономической политикой. Начальные неудачи денежно-кредитных ограничений с целью управления инфляцией в 70-е гг. просто усилили убеждение в том, что фундаментальная причина экономического недоимогом заключалась в государственном вмешательстве и неудачных попытках осуществления экономической политики в областях, где с этими проблемами лучше всего справился бы рынок. Трудности в управлении инфляцией посредством финансовой политики пояснялись чрезмерным ростом финансового дефицита и рынком рабочей силы. Последняя как бы не сумела адаптироваться к изменениям, связанным с действиями профсоюзов и государства, вследствие чего не стимулировались побуждения к более интенсивному труду.

Накопленный эффект такой критики должен был подорвать мнение о том, что государство может выступать как гарант опре-

деленного уровня благосостояния граждан, и даже отвергнуть любую его роль в экономике, кроме облегчения функционирования рынка.

Эти идеи генерировали революцию в экономическом, политическом сознании и идеологии в развитых странах мира и передавались в развивающиеся страны почти в неизменном виде через международные финансовые учреждения типа МВФ и Мирового банка, поскольку экономический кризис вынудил эти страны осуществлять структурную перестройку их экономик в соответствии с этими рекомендациями.

Достаточно очевидные неудачи экономической политики, особенно в Латинской Америке и Африке, похоже, вызвали осторожность по отношению к государственному вмешательству в регулирующие процессы. Торговая политика, направленная на ограничение импорта и ускорение развития национальных отраслей промышленности, привела к малоэффективному зависимому положению базовых отраслей промышленности от импорта полуфабрикатов, а коррумпированный административный аппарат, который чрезвычайно вырос, продемонстрировал неспособность стимулировать экспорт и экспортное производство, целенаправленно использовать ресурсы. Усилия, направленные на переориентацию кредитов в приоритетные отрасли, заканчивались дефицитом кредита для всех секторов экономики. Политика, направленная на выделение субсидий для производства основных видов продукции для широких слоев населения часто приводила к дефициту и уменьшению производства этой продукции. Рост расходов на общественные нужды, инфраструктуру и социальное обеспечение часто приводил к огромному дефициту платежного баланса и последующим программам жесткой экономики. Это только отдельные примеры реализации вышеупомянутой политики в развивающихся странах. Действительные масштабы очевидных политических ошибок вместе с острым экономическим кризисом были настолько общими для развивающихся стран, что оправдывали мнение о том, что любое рыночное регулирование будет более эффективным.

Следует отметить, что положение об уменьшении вмешательства государства в регулирующие процессы содержится в ряде рекомендаций, которые позже давались не только развивающимся странам, но и постсоциалистическим государствам. Несмотря на многие случаи неудачи такой политики, это требование, по существу,

носит идеологический характер. Можно считать, что одна из основных задач экономической политики — это продвижение по пути трансформации вне идеологии, как рыночной, так и централизованного планирования, с целью определения возможных направлений экономической политики и, в частности, изучения уроков прошлых ошибок без полного отказа от идеи государственного регулирования.

Необходимо заметить, что как в зарубежной, так и в отечественной литературе нет ясного консенсуса на теоретическом уровне по поводу связи между некоторыми из главных инструментов экономической политики и ее целями. Например, степень воздействия валютного курса на экспорт и импорт будет зависеть в значительной мере от установленной структуры и механизмов пересчета внешних цен во внутренние. Дискутируется вопрос о том, является ли инфляция чисто денежно-кредитным феноменом или результатом использования различными секторами экономики недостаточных и становящихся все более дорогими ресурсов. Не существует убедительных доказательств за или против степени зависимости между либерализацией торговли и ростом эффективности производства.

Существование этих и многих других проблем означает, что управление экономической политикой не простой технический вопрос изучения набора правил, взаимовызывающих цели и инструменты, а затем использование этих правил для достижения поставленных целей. Эффект каждого инструмента будет чувствоваться на многих, если не на всех целевых переменных.

Например, политика роста процентных ставок с целью корректировки платежного баланса может оказать воздействие на рост дефицита общественного сектора (благодаря более высоким процентным платежам), на снижение темпов экономического роста (поскольку сокращаются частные инвестиции) и даже на увеличение инфляции (поскольку производители перекладывают возрастающие платежи по процентам на потребителя). В долгосрочном плане может снизиться занятость — в результате более низкого уровня экономической активности или за счет использования технологических процессов, интенсифицирующих процесс труда. Насколько эти или другие факторы будут чувствительны, зависит от определенных характеристик рассматриваемой экономики. Однако для принятия решения должны быть предприняты некоторые шаги

по упреждению многочисленных побочных эффектов любого из этих решений, и там где это необходимо, следует иметь альтернативные варианты, чтобы противодействовать негативным процессам.

Чрезвычайно опасна непоследовательность, переход от одной политики к другой в одном и том же случае, что может привести к непредвиденным результатам ранее принятых мер. Многие основные экономические провалы в развивающихся странах стали следствием непоследовательного осуществления адекватных ситуаций политических решений, а не результатом неправильно выбранного первоначального курса осуществления реформ. В частности, многие чрезвычайно сложные и бюрократические системы протекционизма могут являться результатом попытки ликвидировать аномалии, которые возникли вследствие предшествовавших решений и необходимости дополнительных процедур с целью ликвидации слабых мест в системе.

Можно говорить о том, что неудачные политические шаги в 70-е гг. привели к новой прорывной ориентации. На наш взгляд, это стало не закономерным следствием государственного вмешательства в экономику, а результатом недостаточных ответных мер на нерешенные вопросы, которые накопились в предыдущий период, когда условия экономической реальности были значительно худшими.

Кроме того, необходимо просчитывать результаты целенаправленного воздействия политических решений, так как можно быть почти уверенным, что аккумулирующий эффект комплекса политических решений будет отличаться от арифметической суммы их индивидуальных эффектов. Понимание механизмов, при помощи которых оказывается политическое воздействие, очень важно для достижения поставленных целей и определения правильности стратегии, чтобы в случае необходимости ее можно было модифицировать прежде, чем наступит необратимый отрицательный эффект. Следовательно, при определении политики требуются некоторые модели, включающие основные предположения и воедино связывающие политические инструменты с результатами. Важность формальной или неформальной модели в том, что они вынуждают ясно и последовательно представлять последствия предложенной политики.

Успех или неудача стратегии может зависеть зачастую от внешнеэкономических аспектов. Успешная стратегия должна быть политически жизнеспособна настолько, чтобы не порождать чрезмер-

ную оппозицию, направленную на блокирование или срыв намечаемых мер. Такая оппозиция может возникать внутри политической системы или даже в правительстве, бюрократических структурах, в экономически мощных группах, таких как предприниматели, землевладельцы, иностранные инвесторы, профсоюзы, или в ключевых секторах экономики. Иногда реалистичная макрополитика невыполнима в силу того, что, в то время как ее положительные моменты распространяются на широкий спектр экономических процессов и секторов, затраты по ее реализации падают на группу, находящуюся в оппозиции к данной политике. Это особенно видно на примере политики, которая направлена на расширение или создание более равноправной базы налогообложения, преобразование форм землевладения, ликвидацию основных субсидий, имеющих явное распределительное применение.

Однако вызывает сомнения и политика, игнорирующая основные распределительные вопросы, что способствует общему неравенству и росту одностороннего перераспределения национального дохода и богатства. Это ставит под сомнение не только собственный режим, но также политическую и социальную основу страны. Примером этого могут служить некоторые страны Восточной Европы и бывшего Советского Союза (в первую очередь Россия и Украина), в которых реформистские силы имели и имеют серьезные проблемы с получением массовой поддержки в значительной степени из-за существования проблем перераспределения.

Суммируя вышеизложенные факты, можно отметить, что даже хорошо продуманная экономическая стратегия ничего не стоит, если ее воплощение не предполагает принятия дополнительных политических или экономических мер, направленных на противостояние вероятной оппозиции. Если экономическая политика не дает желаемых результатов по политическим причинам, то можно говорить о том, что она не была оптимальной.

Существует также важная взаимосвязь между разработкой политики и институциональными рамками, в которых она реализуется. Многие положения относительно возможных последствий политики основаны на опыте развитых стран с рыночной экономикой и предполагают наличие определенных социальных институтов, которые не существуют в некоторых развивающихся странах или в странах с экономикой, переходной от централизованно планируемой. Среди них: четкое определение и социальное восприятие

концепции права собственности; социальное принятие конкуренции и понимание ее пределов; законодательное поле для заключения и выполнения контрактов; административная структура для осуществления экономического регулирования.

В странах, в которых не существуют все перечисленные выше предпосылки или некоторые из них, общая либерализация и дерегулирование могут привести к всеобщей анархии, при которой конкуренция превращается в насильственную реквизицию ресурсов наиболее мощными или безжалостными группами общества. В этом случае говорить о какой-либо эффективности и производительности просто не приходится. Конечным результатом может быть дискредитация любых потенциально необходимых реформ. Существует и альтернативная точка зрения по этому вопросу, согласно которой отмеченные предпосылки возникают только после периода общей либерализации.

Одним из результатов изменения концептуальных подходов в экономической политике, имевшей место в 80-е гг., было появление «правил», учитывавших опыт как удачных, так и неудачных решений. Эти правила аккумулируют принципы для проведения экономической политики и являются общепринятыми. Так или иначе они включают в себя следующие положения:

1. Избегать техницизма в осуществлении экономической политики. Имеется в виду, что детальное планирование экономического роста на долгосрочную перспективу будет пустой тратой времени, интеллектуальных и финансовых ресурсов, результаты же такого планирования скорее всего будут далеки от предполагаемых.

2. Не стремиться к полной сбалансированности бюджета, однако равным образом не допускать и его незавершенности.

3. Контролировать инфляцию. Инфляция может привести к произвольному перераспределению доходов и отвлечь производительные ресурсы для их непроизводительного использования.

4. Использовать преимущества международной торговли. Это предполагает движение от относительно закрытой к относительно открытой экономике. Основные аргументы в пользу этого основаны на предположении, что ограничение импорта обязательно ведет к сокращению экспорта.

5. Четко представлять последствия отдельных типов и моделей торговых ограничений. Их результативность с точки зрения поставленных целей может быть одинакова, хотя по характеру механиз-

ма реализации некоторые из них носят более негативный характер, чем другие. Торговые ограничения должны быть относительно унифицированными и простыми, чтобы избежать чрезмерного протекционизма отдельных товарных рынков.

6. Если ограничения импорта становятся чрезмерными и их ослабление непосредственно политическим путем невозможно, их следует устранять косвенным путем, в частности, за счет увеличения экспорта и его стимулирования. Такие меры способствуют компенсации антиэкспортного смещения, порождаемого протекционизмом.

7. Руководствоваться достаточно простой, насколько это возможно, нейтральной и не разрушительной налоговой системой. Налог на добавленную стоимость должен быть предпочтительнее налогов на продажу.

8. Избегать чрезмерных ставок подоходного налога. Очень высокие процентные ставки будут генерировать меньший доход вследствие уклонения от налогообложения, а также способствовать дискредитации налоговой системы в целом.

9. Избегать чрезмерного использования налоговых стимулов для достижения специфических целей. Это часто приводит к непроизводительному расходованию хозяйствующими субъектами имеющихся фондов.

10. Использовать контроль над ценами и заработной платой как запасные меры, так как они могут привести к искажениям в производственных действиях, дефициту и «черному» рынку на товары, цены которых регулируются.

11. По возможности избегать квотирования и лицензирования, которые предполагают нормирование ресурсов неценовым механизмом. Это порождает только коррупцию и патронаж.

12. Рассматривать скорее технический, чем идеологический аспект проблемы, связанной с государственными предприятиями. Избегать догматизма в процессе приватизации государственных предприятий, который мог бы породить дебаты относительно их эффективности и функциональности в каждом отдельном случае.

13. Ясно и четко разграничивать деятельность общественного и частного секторов. В случае конкуренции в какой-либо области между предприятиями различных форм собственности должны использоваться одни и те же правила для управления их деятельностью. Разные правила игры могут вести к неопределенности и неже-

ланию вкладывать капитал. Конкуренция на относительно равных условиях может избавить от банкротства частные предприятия только в случае сбивания цен государственными предприятиями, финансируемыми за счет государственного бюджета. Конкуренция на таких условиях может также помочь сохранять эффективность государственных предприятий.

14. Не переоценивать валютный курс.

Естественно, что вышеупомянутые правила не обеспечивают единого рецепта для проведения экономической политики. В действительности, некоторые из пунктов могут быть рассмотрены скорее как цели, чем как направления проведения политики. Кроме того, все они не являются универсальными правилами, которые могут применяться во всех странах в любое время. Тем не менее, они могут служить отправной точкой для обсуждения и оценки мер экономической политики. В этих правилах имеется ряд общих важных элементов. Возможно, наиболее важный из них — необходимость последовательности политики и программ, находящихся в компетенции государства. Другой момент связан с отказом от сверхамбициозных целей, которые кажутся теоретически достижимыми, но требуют чрезмерно детального вмешательства на практике.

Вышеупомянутые правила близки по своему характеру положениям, известным в экономической литературе как «Вашингтонский консенсус», который представляет согласованную точку зрения на экономическую политику. Условия консенсуса были первоначально определены политиками и экономистами Джоном Вильямсом и др. в 1990 г., а затем суммированы Лансом Тейлором. Положения «консенсуса» представляют широкий круг взглядов, выдвинутых международными финансовыми учреждениями, экономистами-теоретиками и практиками в области экономической политики. Главные меры политики, воплощенные в консенсусе, определяются следующим образом:

1. Достижение сальдо бюджета с дефицитом в несколько процентов ВВП, жесткий контроль над расходами и широко разветвленное налогообложение с невысокими предельными ставками.

2. Ценовая реформа, включающая, по возможности, умеренные, реальные процентные ставки и устойчиво снижающийся валютный курс.

3. Либерализация торговли и положительное отношение к прямым зарубежным инвестициям.

4. Приватизация государственных предприятий.

5. Дерегулирование рынков, особенно рынка труда.

6. Проведение «надежной» макроэкономической политики и, по крайней мере, поддержание элементарной системы социального обеспечения.

7. Рациональное использование накопленного человеческого капитала.

8. «Стабилизация» или устранение на макроэкономическом уровне несбалансированности платежного баланса и финансовой неустойчивости с целью ликвидации инфляции до начала реструктуризации экономики и создание условий для устойчивого роста.

После анализа опыта большого количества стран Тейлор подчеркивал, что на практике такая политика более трудно осуществима, чем кажется на первый взгляд. На основе восьми пунктов, приведенных выше, он выдвинул контрпредложения, которые не вписываются в рамки Вашингтонских принципов:

1. Финансовое равновесие желательно, но его очень трудно достичь. Финансовые, внешние проблемы и проблемы накопления тесно связаны. Внешняя поддержка желательна по всем трем направлениям. Уменьшения финансового дефицита труднее всего достичь в политическом плане, более того, трудности и конфликты при распределении могут сделать это невозможным.

2. Изменение реальных макропропорций в ценах, заработной плате, валютном курсе и процентной ставке носит сложный характер и может генерировать общую инфляцию, которую трудно контролировать. Многочисленные ортодоксальные программы, ставившие условием серьезные изменения в валютном курсе и процентных ставках, проваливались, а цель достижения производственной эффективности оставалась не достигнутой.

3. Внешние программы либерализации действуют не лучше, чем использование квот и регулирования. Преимущества последних включают возможность использования угрозы отмены протекционизма, чтобы стимулировать частный сектор к налаживанию эффективного производства без необходимости установления «правильных» цен.

4. Приватизация не всегда позволяет достичь желаемых производственных результатов и, если к тому же осуществлялась в быстром режиме, может неблагоприятно воздействовать на накопление, инвестиции и финансовые потоки. То же самое относится к

попыткам реструктуризации «передавленной» финансовой системы путем поднятия процентных ставок и отказа от благоразумного контроля.

5. Дeregулирование рынка труда может сократить стоимость рабочей силы в краткосрочной перспективе, возможно, дает некоторые преимущества при экспорте, однако может оказаться неблагоприятным в долгосрочной перспективе для социально-экономического развития, так как скажется на качестве рабочей силы и накоплении человеческого капитала.

6. Правильно определенная макроэкономическая политика, которая воспринимается широкими слоями населения, всегда желательна. Однако, если характер этой политики жесткий, то она может нести серьезный риск стимулирования долгосрочного зстоя.

7. Для дальнейшего экономического роста необходима все более образованная, здоровая и хорошо оплачиваемая рабочая сила. Однако ускорения накопления человеческого капитала еще недостаточно для фактического или потенциального роста продукции в краткосрочной перспективе.

8. Стабилизация перед реструктуризацией экономики звучит заманчиво, но не всегда срабатывает.

Суммируя сказанное относительно управления экономической политикой, можно отметить примеры успехов и неудач как ортодоксальной политики, так и других подходов. Проблема — как эффективно принять и согласовать политические изменения в историческом и институциональном контексте каждой страны. Мы знаем немного, относительно того, как такие факторы, как структура существующего акционерного капитала, размер населения и природные ресурсы оказывают влияние на политику, направленную на рост производственной эффективности. В данной области, очевидно, и нет общего решения. Указанные концептуальные подходы не делают поиск более простым, однако они нашли применение в теоретическом обосновании нелиберальных подходов при разработке и реализации экономической политики различных стран мира.

АЛЬТЕРНАТИВЫ РАЗВИТИЯ УКРАИНЫ И РОССИИ

Михаил ИЛЬИН — генеральный директор журнала «Полис»

Анализ альтернатив развития Украины и России не может сводиться к рассмотрению конъюнктурных обстоятельств и к построению сценариев политического процесса, обусловленных лишь теми или иными действиями лиц, принимающих решения, в масштабе нашей повседневности. Необходим хронополитический подход, который позволяет за деревьями отдельных политических решений разглядеть лес исторических свершений, а еще далее широкий ландшафт политического развития наших стран на мировом фоне. В этом контексте обсуждение масштабных проблем представляется более оправданным, чем концентрация внимания на политико-психологическом восприятии тех или иных действий, неизбежно ограниченных крайне узкой перспективой.

Исходным моментом для анализа является рассмотрение посткоммунистического вызова, поскольку и советская фаза развития, и последующий выход в новую фазу связаны с фундаментальными конфликтами политического развития евразийской цивилизационной общности, с одной стороны, и с проблемами мировой политической модернизации — с другой. Такой анализ предполагает прежде всего установление того, какие эволюционные задачи приходится решать Украине и России, — задачи, связанные с базовыми принципами политической организации, с политическим устройством. Речь идет о задачах, которые не поддаются формальной регламентации, а скорее сами определяют рамки для конституционного строительства, а тем более принятия тех или иных законов. Только на этом фоне имеет смысл рассмотрение вариантов политических решений и пределов их воздействия на политический процесс, историю, а тем более на общие тенденции развития наших стран.

В украинской и российской политологии нет, пожалуй, проблематики более актуальной, значимой и, главное, прагматичной, чем изучение реформ и, шире, переходных процессов — транзитов, трансформаций, инверсий, кризисов и т. п. Не вызывает также сомнения, что опыт России и других стран, переживающих столь интенсивные и глубокие общественно-политические перемены, во-

жен для всего мира и особенно для выработки и совершенствования принципов и практик культуры мира.

В политической науке наиболее распространены объяснения протекающих в мире перемен под углом зрения модернизации, демократизации и глобализации. Каждый из этих подходов на первых порах отличался известной односторонностью, акцентированием специфических аспектов современного политического развития. Теории модернизации тяготели прежде всего к осмыслению сдвигов в зоне так называемого третьего мира, демократизации — исходили из опыта евроатлантических политик, глобализации — концентрировали внимание на супранациональных, мировых аспектах политики. По мере того, как появлялись все более содержательные результаты исследований модернизации в политиях Запада, демократических переходов в странах третьего мира, проявлений глобализации на национальных и локальных уровнях, становилось все яснее, что современное политическое развитие включает много аспектов и требует обобщенного понимания, предполагающего интеграцию перечисленных выше подходов, разработку теории современного политического развития или модернизации в широком смысле.

Современная политическая наука приходит к пониманию того, что фундаментальный смысл и важнейший практический результат политической модернизации состоит в обретении политиями, составляющими их институтами и, что особенно важно, гражданами способностей сознательно управлять своим развитием. Однако проявляющиеся в ходе политической модернизации тенденции укрепления управляемости развитием действуют отнюдь не автоматически. Они осуществляются через сложный баланс взаимных сдержек и противовесов во взаимодействии все обновляющейся и расширяющейся череды институтов, начиная от государства и гражданского общества и кончая — на сегодняшний день — институтами легитимации и делегитимации политических режимов.

Возможности хронополитического развития (политической эволюции) связаны прежде всего с преодолением искушений быстрых и радикальных «судьбоносных» решений. Принципиально важной оказывается проработка недостаточно освоенных хронополитических моделей без прямолинейного архаизаторства и без столь же одностороннего модернизаторства, выливающегося в поверхностное имитирование политических форм без усвоения их сути.

Необходима инвентаризация и проверка всех возможностей политической организации: реально используемых, латентных или даже потенциально мыслимых на основе достигнутых хронополитических логик. Сам кризис подталкивает к этому. «Освобождение» отдельных институтов, структур и функций создает предпосылки для их рекомбинаций и заполнения возникающих «пустот» латентными или потенциальными структурами. Критически важной в данной ситуации становится самоидентификация институтов и структур, их функциональная нагруженность. В первую очередь это относится к т. н. разделению властей, их функциональной специализации и взаимодействию друг с другом.

В хронополитической перспективе и Украину, и Россию может ожидать несколько вариантов развития. Самая неблагоприятная, но, к счастью, не самая вероятная альтернатива связана с обрушиванием сложившейся в последние годы системы, ее глубокой дезинтеграцией, за которыми последует период варваризации, существования автократических политик и квазифеодальных структур. Этот вариант может быть усложнен различными формами внешнего вмешательства.

Другая альтернатива связана с воссозданием имперской структуры. На это работают привычные стереотипы мышления, укоренившиеся в результате многовековой истории. Типичным искушением является построение сильного государства или же прямолинейное противодействие имперскому распаду. И то, и другое, даже будучи облеченным в форму конституирования сверху современных наций-государств (неизбежно поверхностное, одностороннее, а то и симуляционное), фактически провоцирует воссоздание властных центров могущества — имперских в эволюционной перспективе и авторитарных — в повседневной. Подобные закономерности объясняют отчасти, почему «демократические» по форме решения влекут авторитарные по сути последствия.

Оба эти варианта представляются хронополитически неблагоприятными. Они связаны с отказом от многих наличных, латентных и потенциальных возможностей качественно иной политической организации, а главное — с бессмысленной потерей времени и ресурсов, с пробуксовкой развития: через десятилетия произойдет возвращение к ситуации, эквивалентной нынешней.

В силу этих обстоятельств заслуживают рассмотрения более приемлемые альтернативы, а именно — ориентиры на проработку

эволюционной стадии хризалиды (целой исторической эпохи перехода от имперско-цивилизационного типа развития к современному), на подкрепление вторично заимствованных образцов политической модернизации и демократизации, т. е. на углубление этого заимствования до серьезной проработки задач модернизации.

В этом отношении проблематика и СНГ, и взаимодействия наших двух стран с европейскими политическими структурами требует серьезного рассмотрения, которое не было бы деформировано краткосрочными эмоциональными реакциями на злобу дня. Желания политиков и граждан немедленно «войти в Европу» представляются по меньшей мере наивными. С эволюционной точки зрения речь может идти о создании в весьма далекой перспективе двойного суперцивилизационного комплекса Европа-Евразия. Само его формирование предполагает, что евразийская цивилизационная общность должна обрести высокую степень зрелости, достигнуть фазы постцивилизационного развития, чтобы, эволюционно приблизившись таким образом к европейскому уровню, быть в состоянии действовать, если и не на равных, то уж во всяком случае как действительный, а не воображаемый партнер для Западной Европы. Это предполагает не просто развитие структур СНГ, но создание более сложных, диверсифицированных и эффективных структур политического взаимодействия внутри евразийской геополитической и цивилизационной ниши.

В рамках подобного развития крайне важным представляется разделение функций между странами СНГ и, особенно, Украиной и Россией. В данном контексте Россия могла бы играть роль интегратора (и внутри постцивилизационной общности, и в глобальном контексте), а Украина своего рода «проводника» взаимодействий между Евразией и Европой, особенно путем включения в процессы этого взаимодействия лимитрофного пояса стран Восточной Центральной Европы.

Второе направление связано с рациональной организацией интересов, с развитием государственности, со становлением гражданского общества и с утверждением институтов посредования между государством и гражданским обществом, прежде всего партийных систем. Критическое значение в связи с этим приобретают развитие способностей регулирования конфликтов, возвышение антагонизмов до функциональных компромиссов и творческого сотрудничества.

Конкретные политические решения следует рассматривать не только с точки зрения их значимости для судьбы тех или иных политиков или отдельных политических группировок, более того — не только с позиций исторических событий и свершений, но также с учетом того, как эти решения вписываются в репертуар задач, связанных с эволюционной трансформацией фундаментальных параметров политического устройства. В этом отношении ряд общих хронополитических проблем приобретает особую практическую значимость. Заявления политиков, а тем более их властные действия, законодательные акты и судебные решения должны оцениваться только с той точки зрения, как они соотносятся с эволюционными проблемами.

Хронополитический подход позволяет оценить стратегии политического развития. До недавнего времени безраздельно господствовавшая и до сих пор сохраняющая статус официальности стратегия присоединения к процессу «общецивилизационного развития» в целом представляется бесперспективной, провоцирующей углубление кризиса и дезинтеграцию. Вместе с тем она включает важные, хронополитически необходимые элементы, которые касаются прежде всего усвоения и переработки чужого политического наследия. Единственно требуется расширить географические и временные рамки, не ограничиваясь только «Западом» последних полутора-двух веков, а максимально учитывая опыт наибольшего числа этносов, цивилизаций и наций.

Реставраторская стратегия бесперспективна. Любая модификация прежней блоковой системы вызвала бы все тот же пароксизм перенапряжения и дезинтеграции. Однако в традиционализме есть рациональное зерно, связанное с переработкой и конструктивным усвоением отечественного политического наследия.

Стратегия рывка в т. н., постмодерн нерациональна и даже опасна, поскольку чревато перенапряжениями, отрывом оценок постмодерности от тяжелых и по-прежнему функционирующих авторитарных и имперских структур. В то же время нельзя исключать возможность периферийного и частичного использования стратегии ориентации на мировые достижения. Мелкие блоки и элементы можно подвергать постмодернизации, если для этого есть локальные условия и ресурсы, которые неконвертируемы или плохо конвертируемы на иные цели. Таким образом, стратегия пост-

Александр ДЕРГАЧЕВ — главный редактор журнала «Політична думка», ведущий научный сотрудник Института политических и этнонациональных исследований НАН Украины

модерного развития приобретает смысл при трансформации ее традиционно-тотальной версии «фронтального рывка» в отвечающую самой постмодерной логике стратегию дифференцированного просачивания в постмодерн.

Наиболее рациональна в условиях преодоления кризиса стратегия повышения разнообразия (гетерогенности) политических институтов и процессов, позволяющая сохранять и консолидировать потенциал всех элементов и структур политической системы вне зависимости от того, насколько они кажутся нам сегодня важными или незначительными, эффективными или вредными.

Любые хронополитически обоснованные стратегии обязательно должны учитывать наличие неосвоенных «пустот». Поэтому различие между отдельными стратегиями в этом начальном пункте будет преимущественно заключаться в определении наиболее оптимальных путей проживания и осуществления непрожитых в Повседневности и неосуществленных в Истории хронополитических возможностей. Одни стратегии могут исходить из неторопливого и последовательного освоения «пустот», другие предложат их параллельное и одновременное освоение. Первый вариант безопаснее, но требует времени и предполагает, что хронополитически укрепляемая политика обладает значительной противокризисной резистентностью. Второй — гораздо рискованнее, требует большей подготовленности, но позволяет быстрее нащупать ароморфные тенденции.

С учетом разрушительного опыта нашей поспешности можно было бы склониться к первому варианту, но условия кризиса диктуют крайне неблагоприятный выбор в пользу второго. Принимать его приходится, однако, проявляя терпение и решительность, при одновременном сохранении достоинства и уверенности в себе. Речь идет о достоинстве людей, знающих возможности своих времен и опасности безвременья, о достоинстве, которое способно помочь избежать искушения в очередной раз пытаться обмануть историю, а значит и самих себя. А это значит, что нам нужно научиться отчетливо осмысливать (и различать!) проблемы нашего собственного развития, понимать «сюжетные» смысл конфликтов нашей общей, евразийской истории, а также историй наших стран и народов, равно как и коллизий нашей повседневности. Развитие хронополитики как отрасли научного знания актуально и для Украины, и для России, как никогда ранее.

Для переходных обществ с их особой восприимчивостью к внешним влияниям и остротой вопросов внутренних преобразований, выбор модели реформ и выбор геополитических приоритетов являются жестко взаимосвязанными. Это же детерминировано и общей тенденцией интернационализации, уплотнением не только экономического, но и общественно-политического пространства. Более того, остается все меньше возможностей параллельного существования и автономного развития культур. В регионах интенсивного развития интеграционных процессов какие-либо формы автаркии, изоляционизма стали практически невозможными. Это создает особые условия становления новых независимых государств.

Расширение евроатлантических и европейских структур на восток, формирование Большой Европы способствует позитивным качественным изменениям в посткоммунистических странах прежде всего в политико-правовой, а также экономической сфере. Здесь работает общая логика регионального развития, внешние факторы, как правило, не противоречат внутренним и существенно усиливают недостаточный внутренний потенциал преобразований. Однако для вновь образованных постсоветских и балканских государств принципиально важной является национальная составляющая развития. На повестке дня стоят вопросы самоидентификации, внутренней консолидации, национального возрождения, что формирует противоречивое отношение к внешним воздействиям как таковым.

Важным фактором нового качества международных отношений становится формирование общего широкого поля политической культуры. Партийский потенциал той или иной страны в значительной мере определяется степенью распространенности в массовом сознании ксенофобии, свойственной политической, духовной, интеллектуальной элите толерантностью и способностью адекватного понимания международной ситуации, выстраивания конструктивных и эффективных межэлитных отношений с основными международными партнерами.

Соответствующие характеристики Украины являются по меньшей мере двойственными и неустоявшимися. Тем большее значение имеет продолжающаяся борьба идей и еще всерьез не начавшийся поиск возможностей соединения национального развития и ускоренного вхождения в мировое сообщество. Упомянутая борьба стала одной из закономерностей раннего этапа посткоммунистических преобразований. Она обозначает многоаспектность переходного состояния общества и протекает в форме частично завуалированного соперничества трех концепций развития: реставрации и улучшения советского строя; реализации европейской модели; утверждения на исторически значимый период особого типа общества и государства.

Ни одна из обозначенных концепций сегодня не является внутренне самодостаточной и не может быть реализована без масштабного задействования внешних факторов. Однако в каждом случае речь идет о разных внешних факторах и разных геополитических конструкциях.

Первая из концепций утратила классическую международную компоненту. Реставраторы не имеют реальных внешних союзников, находящихся у власти. Изолированность и практически всеобщее неприятие режима Милошевича в Югославии и Лукашенко в Белоруссии наглядно оттеняют эту ситуацию. Однако гипотетическая возможность осуществления этой концепции, воспринимаемая как угроза международному миру и стабильности, усиливает международную поддержку ее противников.

Две другие концепции не всегда формально различаются международным сообществом. При том, что европейская модель развития в Украине не вызрела в достаточной степени, она эксплуатируется современной партией власти, более заинтересованной в реализации третьего варианта национального развития, фактически доминирующего на постсоветском пространстве. СНГ представляет собой геополитическое воплощение не столько сложенного перехода к европейской модели, сколько евразийского подобию режимов и совпадения их внешнеполитических интересов. Содружество является формой коллективного изоляционизма и консервации особого режима межгосударственных отношений. Оно закрепило за собой роль альтернативы экономическим и противоядия военно-политическим европейским и евроатлантическим структурам. В то же время СНГ с достаточным основанием рассматри-

вается как инструмент, пригодный для десуверенизации новых независимых государств. В этом качестве оно устраивает и властную и левоопозиционную украинскую элиту.

Левые и новая власть в посткоммунистическом пространстве находятся в очень противоречивых отношениях. Неэффективность власти, отсутствие серьезных успехов в реформировании подпитывают ортодоксальные левые движения. В Украине эти две силы образовали весьма устойчивый политический симбиоз. Противоречия между ними не имеют онтогонистического характера, и, кроме того, частично компенсируются парадоксальными формами взаимодействия. Сохранение массовой поддержки и роли основной оппозиционной силы, имеющей шансы на возвращение к власти, «старыми» левыми есть феномен постсоветского пространства, целиком связанный с идейной, социальной и политической природой утвердившихся здесь режимов. Очевидно, что только сознательное торможение преобразований, наряду с ментальной близостью элит, консервирует такой симбиоз, обеспечивает его доминирующее положение. Поддерживаемая ими, пусть под разными лозунгами, геополитическая изолированность позволяет одним экономически, другим политически эксплуатировать кризисные явления и вместе препятствовать становлению конкурентоспособной третьей политической силы.

Антизападничество, как и «классовая солидарность», составляют идейную основу взаимодействия левых на постсоветском пространстве. Однако это взаимодействие слабо и противоречно. За период после распада восточного блока и СССР эта традиционная основа коммунистической модели международной политики деградировала и мутировала одновременно. Существенно сузился ареал реального политического присутствия носителей коммунистической идеологии. В наиболее развитых из посткоммунистических стран она, утратив государственный статус, была вытеснена социал-демократией. Этому непосредственно способствовали правые политические силы, чье оформление и утверждение в системе власти знаменовало реальное обновление элит и смену качественной парадигмы общественно-политических процессов. Именно зрелые и дееспособные правые стимулируют появление новых левых, готовых к соучастию в осуществлении экономических реформ и строительстве развитой правовой демократии. Это вид-

но на примерах Венгрии, Латвии, Литвы, Польши, Словении, Чехии, Эстонии.

В большинстве остальных стран, в т. ч. в постсоветских, изменения характера режимов произошли не столько путем обновления политической элиты, сколько в результате ее внутренней перегруппировки и нового структурирования. Здесь наибольшие потери коммунистических партий связаны с сознательным идейным и политическим маневром наиболее прагматичной и дееспособной части номенклатуры, воспользовавшейся слабостью некоммунистических лидеров и передавшей власть самой себе. Этот маневр, связанный с суверенизацией, все же не был единовременным и невоспроизводимым процессом. Он не создал непреодолимого барьера между старыми левыми и вновь образованной партией власти. Из этой же обоймы — большинство современных партий, создававшихся «сверху», симптоматично тяготеющих к левому центру, отпочковывавшихся от них и заполняющих политическое пространство между ними. Весь этот спектр новых политических сил не имеет четких ценностных и геополитических ориентиров, своей социальной базы и даже эндогенных национальных признаков, что является одним из факторов неопределенности характеристик новых независимых государств как субъектов международных отношений.

Такая определенность может исходить прежде всего от естественным образом формирующихся национальных политических сил. В определенной мере это проявляется в новых независимых государствах Центральной Азии и Закавказья, где коммунисты были оттеснены со своих позиций той или иной формой традиционализма. Хотя правящая элита здесь имеет аналогичное происхождение, система ее влияния на массы, сама основа властвования качественно изменились. Коммунистические партии испытывают огромнейшие идейные и политические трудности, утратив монополию на патриотизм и, одновременно, возможность эксплуатировать идею интернационализма.

Несколько иначе выглядит ситуация с ортодоксальными левыми движениями в Белоруссии, России и Украине. При расколатости левого движения, «основные» коммунистические партии здесь имеют значительную электоральную поддержку и так или иначе влияют на внутреннюю и внешнюю политику. Сохраняются и значительные возможности их взаимодействия. Однако ситуация в Украине имеет заметное отличие. Только в Белоруссии и России воз-

врат коммунистов к власти в массовом сознании не отождествляется с угрозой национальной независимости. В Украине это уже не выглядит так однозначно. Левые в Украине не смогли найти свое место в национальном строительстве и даже не преуспели, в отличие от КПРФ, в разработке собственной модификации государственничества. Их геополитические ориентации носят одновременно и антизападнический и антипатриотический, а кроме того, вторичный, несомнительный характер. Это выражается в готовности искать шансы во взаимодействии не только с подобными себе евразийскими интернационалистами, но и с интеграторами имперского толка.

Нынешняя украинская власть активно разыгрывает перед Западом роль единственной силы, противостоящей левой угрозе внутри страны и препятствующей реставрации империи в постсоветском пространстве. При этом происходит целенаправленное оттеснение на периферию внутриполитической жизни и особенно от значимых международных контактов наиболее последовательных сторонников европейской модели развития. Фактически наблюдается дискредитация идеи ускоренного реформирования в лучшем случае как объективно не вызревшей, чреватой слишком большими социальными издержками и политической дестабилизацией, а в худшем — как не соответствующей народным традициям, национальным интересам как таковым.

Дистанцирование от СНГ дополняется фактическим отказом от реализации альтернативной геоэкономической и геополитической стратегии. Декларируемая двухвекторность украинской внешней политики на практике более напоминает безвекторность, т. е. фактический бесперспективный изоляционизм. Такая политика отвечает только одной логике — логике борьбы за сохранение власти.

В логическом тупике с точки зрения заявленных трансформационных и геополитических приоритетов оказались украинские национально-демократические силы. Это тем более парадоксально, что они имеют иное, не связанное с советской элитой происхождение и собственный идеологический арсенал. Целостность и последовательность их концептуальных подходов к национальному развитию ограничивается той частью, которая связана с суверенизацией и укреплением политической независимости. Они являются бескомпромиссными противниками левых на внутриполитической арене и проимпериалистических сил — на международ-

ной. Однако это не только не получило должного продолжения в сколько-нибудь завершенной позитивной, рассчитанной на перспективу программе, но и привело к их оттеснению на вторые роли в сегодняшних условиях.

Приверженность идее «национальная государственность прежде всего» вынуждает национал-демократов блокироваться против левой угрозы с партией власти в условиях, когда возможность влиять на проводимый ею курс является номинальной. Показательной является и неготовность к взаимодействию с правыми силами либерального толка. Особенно много теряет умеренная часть этих сил — Народный рух, фактически разделяющий ответственность за непоследовательность и неэффективность национальной стратегии. В сфере внешней политики концентрация на национальной идее приводит к своеобразному изоляционизму, отказу от взвешенного прагматичного подхода к вопросам международного сотрудничества. Практически роль национально-демократических сил в формировании внешнеполитического курса и международного имиджа Украины остается очень противоречивой. Во всяком случае на данном этапе она лишь условно вписывается в перспективу реализации европейской модели развития и интеграции в Европу.

ВИРТУАЛЬНОЕ ПОЛЕ УКРАИНСКО-РОССИЙСКИХ ОТНОШЕНИЙ

Анатолий ГУЦАЛ — заместитель директора Института украинско-российских отношений при Совете национальной безопасности и обороны Украины

Природа не терпит пустоты. В равной мере это справедливо и для природы социальной. Нестабильное, порою хаотическое развитие социальных, политических и экономических процессов в постсоветскую эпоху сплошь и рядом приводит к образованию неоднородностей, «пустот». Это характерно и для сферы международных, межгосударственных отношений.

С учетом особенностей развития современной западной цивилизации, которая фактически проектирует во всемирном масштабе поведение социума, вступление в новую эру человеческого развития (ныне именуемую информационной) требует серьезного анализа прежде всего коммуникационных аспектов общественного существования. И организационно-структурные, и деятельностно-функциональные факторы социального бытия по праву обретают в современном обществе глобальную значимость и важность, только будучи пропущенными (своеобразным способом «проигранными») через сферу социальной коммуникации.

Научные сообщества и в России, и в Украине сегодня фактически отстраняются от глубоких проработок проблем коммуникации. Фактически эта сфера отдана на откуп «практикам» — имиджмейкерам от политики, которые ставят широкомасштабные эксперименты над общественным сознанием ради решения конъюнктурных внутренних проблем. Существует, однако, настоятельная потребность более широкого рассмотрения данной проблематики, особенно с учетом реальных нужд современной международной политики.

Символична фраза, брошенная Биллом Клинтонем на встрече с московскими студентами: «Россия должна научиться играть по правилам мировой экономики». Действительно, идет большая игра, и в поле этой игры превратилась вся мировая экономическая и политическая система. Игроками выступают, правда, не государства (скорее всего государства и их лидеры становятся объектами манипулирования в этой игре), а частные инвестиционные фонды и

конкретные личности, как Джордж Сорос (во всемирном масштабе) или российские олигархи (в рамках постсоветского пространства). Не случаен в этой связи интерес последних к созданию «информационных империй», являющихся мощными «генераторами» и манипуляторами в сфере массового сознания.

Т. Гурова, А. Кобяков («Мировое хозяйство ждет продолжительный спад как минимум триллиона долларов», «Эксперт», №31, 1998 г.) удачно подметили особенности современного мира, связанные с тем, что «накопленные в западной экономике деньги ринулись в «виртуальный мир» финансовых операций с бумажными активами». Для возникновения мощного потока в одном направлении достаточно, чтобы пять-десять первых операторов получили положительные сигналы из точек приложения капиталов. Мобильность денежных средств стала невероятной. Ежедневные объемы сделок с валютой оцениваются в 1,5 трлн. долларов, то есть «за год объем операций на валютном рынке на порядок превышает объем мирового ВВП, на два порядка — потребность в операциях с валютой для совершения внешнеторговых сделок».

Вместе с тем авторы подметили некоторые другие особенности, не вписывающиеся в рациональную картину современного мира: «Такой экспансии капитала лет за тридцать до этого было придумано идеологическое обоснование — создание глобального рынка». Однако «последняя попытка Запада преодолеть порог развития через глобализацию потерпела неудачу. Получился хаос». В спекулятивных операциях отсутствует экономическая логика. Но если принять принцип игры в качестве кардинальной основы современного социального мироздания западного типа, отмеченные несоответствия устранятся сами по себе.

Похоже, что значительный элемент игры несет в себе так называемая «теневая» экономическая деятельность. Ведь именно советский период «серьезности» (по Хайнзиге понятие «серьезный» является антиподом игры) вытеснил предпринимательскую деятельность (которая несет в себе значительный отпечаток игры) из легитимной сферы. А это значит, что предпринимательские навыки нарабатывались именно вне закона, где они сейчас «с успехом» и реализуются.

Хайнзига наглядно продемонстрировал роль игрового фактора как чрезвычайно действенную и чрезвычайно плодотворную в возникновении всех крупных форм общественной жизни. Он же

обратил внимание, что игровой элемент в наибольшей степени присущ американской политической культуре. Возможно, именно благодаря такой «гармоничности» американская нация оказалась максимально адекватно «вписанной» в современное глобальное игровое пространство. С другой стороны, не исключено, что как раз советская «серьезность» и вытолкнула страну на обочину мирового развития.

В понятие игра вписываются многие явления современной жизни — прожигание жизни «новыми» русскими, и тяга к наркотикам, и безудержное засасывание в паутину Internet. Можно по-разному оценивать нравственные аспекты происходящего, но важнее другое — осознавая бессмысленность и утопичность попыток подавить или заглушить игровую природу человечества, необходимо искать пути конструктивного использования игрового фактора в процессе трансформации и реформирования внутренних социально-экономических и политических укладов Украины и России, цивилизованного развития межгосударственных отношений.

Создание и стабильное функционирование цивилизованных системы межгосударственных отношений немислимо при отсутствии определенной культуры социальной коммуникации. Именно этим можно объяснить всю ту несурезицу, которая царит в украинско-российских отношениях. А ведь они-то держатся практически только на межличностных отношениях президентов, достаточно ограниченного круга политиков, управленцев, бизнесменов, ученых, да на традициях прошлого совместного советского бытия.

Видится, что с введением элементов большой политической игры в межгосударственные отношения и с вовлечением в игровую процесс политической, управленческой и интеллектуальной элиты обеих стран можно рассчитывать на постепенное формирование «культурного слоя». Такого рода игра в интересах каждой из стран, ибо позволяет нарабатывать «игровой опыт», который крайне необходим для «выхода в большой свет» (фактически то, что произошло с Россией в августе-сентябре 1998 года, явилось следствием попыток российских правительственных и финансовых кругов амбициозно включиться в «большую игру» без предварительных «тренировок»).

Необходимые предпосылки для проведения игры существуют. К ним, в частности, относятся:

— значительная свобода действий, которая к тому же расширяется по мере утраты бремени старых проблем прошлой коммунальной жизни;

— фактически совместное информационное пространство, которое, правда, имеет «асимметричный» вид с явным преобладанием российской компоненты;

— уже достаточно четко определившееся проблемное поле взаимодействия;

— отработанные международным сообществом правила игры и наличие к тому же «арбитра» в лице международных институтов.

Сложность вопроса формирования совместного виртуального пространства украинско-российских отношений в значительной мере обуславливается особенностями процессов становления национальной государственности (в первую очередь украинской). Ведь молодое государство «обременено» прежде всего разбираться с собственными внутренними проблемами.

Органами государственной власти и управления вопросы роли и места средств массовой информации в современном украинском обществе рассматриваются через призму ключевых задач государственного строительства, первоочередные среди которых:

— обеспечение управляемости процессами общественной трансформации, в т. ч. касательно реформирования экономических отношений и административно-управленческой системы;

— развитие собственной информационной среды, интегрированной в мировую информационную систему при сохранении существенных признаков национальной идентичности.

В контексте решения первой задачи важно, чтобы СМИ, которые реально влияют на социально активные слои населения, политическую, управленческую и бизнес-элиты, формировали информационную среду, которая бы способствовала формированию благоприятной моральной, эмоциональной и интеллектуальной атмосферы, стимулирующей граждан к конструктивной деятельности. Только на такой подпочве могут адекватно восприниматься решения властей и формироваться импульсы к сознательной предметной работе.

О том, насколько сильно информационная среда способна влиять на развитие событий, свидетельствует деструктивный сценарий «общения» с западным миром вследствие так называемого эффекта «неэквивалентного информационного обмена» (активного

социокультурного влияния более престижных социальных групп на менее престижные) и феномена «относительной депривации» (социального недовольства, порожденного невыгодным сравнением). Ускоренная аккумуляция активными общественными слоями (бизнесменами, предпринимателями и управленцами) «чужой» информации относительно завышенных претензий и стандартов жизни (при явном запаздывании с накоплением технологической информации) создали инфляционную среду, которая размывает этику продуктивного труда и стимулирует главным образом функционирование системы перераспределения. И российское, и украинское общество в полной мере ощутили на себе этот эффект.

Но фактически этим и ограничиваются существенные влияния на украинское общество со стороны западных (в основном американских) и связанных с ними отечественных масс-медиа. Другие имеющиеся факторы, такие, как распространение своей символики, навязывание определенных стереотипов поведения, идей и верований серьезно в расчет можно не принимать, поскольку они не «приживаются», и не находят широкого распространения в Украине, как принадлежащие к «инородной» культуре.

Российская составляющая информационного пространства — явление более сложное и разноплановое. Значительная часть населения Украины существует в информационном поле России, больше того, как раз ему отдает предпочтение. Прежде всего это касается телевидения, на которое как на источник информации указывает 83% респондентов (тут и далее ссылки на социологические исследования «Socis-Gallup»). Телевидение имеет и самый высокий рейтинг доверия населения среди вышестоящих органов власти и общественных институтов (55% зрителей ему доверяют и только треть — нет). При этом по рейтингам популярности общенациональный канал УТ занимает только восьмое место. Лидерами в эфирном пространстве остаются русскоязычные или тесно сотрудничающие с российскими телеканалы (среди них только один украиноязычный канал «1+1» занимает вторую ступеньку в рейтинге популярности). Так, ОРТ («Интер») смотрят в центральных, южных и юго-восточных регионах от 53% до 80%, а в Крыму этот показатель превышает 90%. Не отстают в популярности РТР, НТВ и НТВ+, ТВ-Центр. В кабельных сетях Одессы и Луганска информационная продукция украинского происхождения занимает лишь 5% лицензионного времени.

Пресса определенным образом уступает телевидению и радиовещанию, поскольку знакомиться с ней на сегодня имеют возможность лишь 24% граждан Украины. Присутствие продукции российских печатных СМИ на украинском рынке за последние 6 лет значительно уменьшилось (с 36,8 млн. до 1670,6 тыс. экземпляров). Главные причины уменьшения спроса кроются в дороговизне изданий и низкой покупательной способности потребителей. Но целый ряд российских изданий обошли законодательные «ловушки» и зарегистрировались в форме украинско-российских совместных предприятий (Мининформом Украины было зарегистрировано около полусотни таких изданий).

Самой большой популярностью пользуются «Комсомольская правда в Украине», «Труд — Украина», «Аргументы и факты — Украина», «Известия — Украина». От своих российских аналогов они в основном отличаются незначительными блоками на первой странице, содержащими, как правило, сообщения о чрезвычайных происшествиях по материалам «Интерфакс-Украина». Таким образом, имея статус украинских, эти издания фактически остаются российскими по духу и смыслу.

Сегодня наиболее остро воспринимается в Украине проблема психологического «засасывания» определенной части наиболее активного населения (что не проблематично в силу общности социокультурных корней украинцев и россиян) в решение сугубо российских проблем (в том числе и иллюзорных), которые конструируют российские масс-медиа. Наиболее яркий тому пример «резонансное» влияние российского финансового кризиса на поведение украинского предпринимательства, приведшее к девальвации гривны в результате возникшего ажиотажного спроса.

Так что украинские опасения вполне закономерны и оправданы. И основаны они на том, что информационные, аналитические, психотехнологические, технические и прочие возможности СМИ становятся до такой степени влиятельными, что существующие традиционные общественные институты уже не в состоянии контролировать ситуацию.

В этом кроется серьезная потенциальная опасность, в особенности при условии прохождения обществом переходного (трансформационного) периода, когда государство оказывается бессильным в проведении социально-экономической политики, а общество утратило ориентиры и в нем господствует растерянность. Именно

в таком состоянии и отдельный человек и общество в целом становятся пленниками навязанных иллюзий и рецептов жизни.

А российские СМИ в последнее время реально превратились в «индустрию» со своими способами сбора и установления достоверности информации, методами ее подачи, не исключая фальсификации и сознательной дезинформации и дезориентации. При этом результативность такого рода действий неуклонно возрастает. На вооружение берутся самые разнообразные формы влияния: от прямых безосновательных атак обвинений до интриг, распространения слухов, сценариев заговоров и мятежей («раскручивание» некоторыми российскими СМИ последнего правительственного кризиса яркое тому свидетельство).

Бесспорно, что конструкция виртуального поля искусственна. Цель его формирования состоит, прежде всего, в привлечении в свою смысловую среду как отдельных людей, так и целых общественных слоев или групп и соответствующем формировании под них «комфортных» условий существования. В дальнейшем через такого рода «втянутость» они становятся объектами манипулирования, в т. ч. попыток реанимации и поддержки ранее сформированных мировоззренческих стереотипов (последнее, например, находит подтверждение в сохранении значительного количества приверженцев минувших советских времен, продолжающими жить информационными химерами, которыми их кормят газеты типа «Завтра», «Лимонка» и тому подобные).

Предложенное «погружение» (с учетом возникающих при этом ассоциаций) как раз и призвано обозначить степень падения вовлеченных социальных групп.

Однако все же гораздо важнее — поиск возможного выхода. Главное здесь — отработать меры взаимного доверия и безопасного поведения в информационной сфере. На этом и необходимо сосредоточить свои усилия.

МАССОВЫЕ ПОЛИТИЧЕСКИЕ ОРИЕНТАЦИИ В ПОСТКОММУНИСТИЧЕСКОЙ РОССИИ

*Андрей МЕЛЬВИЛЬ — заведующий кафедрой политологии МГИМО,
вице-президент РАПН*

До последнего времени в политической теории считалось общепризнанным, что демократия нуждается в опоре на массовые демократические ценности и ориентации, которые и являются предпосылками для демократизации. Но какие именно ценности и ориентации способствуют формированию и функционированию институтов демократии? Являются ли соответствующие ценностные сдвиги предпосылками или же, напротив, результатами заимствования и попыток практического выстраивания новых демократических структур? В состоянии ли эти новые политические институты «работать» без массовой поддержки со стороны общества? И как практически эти процессы и взаимосвязи проявляются конкретно в современной России? Происходит ли закрепление в массовом сознании россиян политических ценностей и ориентаций, которые традиционно считаются демократическими? Какое реальное содержание люди в сегодняшней России вкладывают в эти понятия? Как все это связано с практическим функционированием политических институтов?

В России были свои всплески активности масс, впрочем, либо связанные с исключительными обстоятельствами (типа двух очень разных защит Белого дома в августе 1991 г. и осенью 1993 г.), либо регионального и в целом локального характера (выступления шахтеров, транспортников и др.). Но как бы то ни было, не они, т. е. не настроения и действия масс сыграли определяющую роль в рассматриваемых нами трансформациях, вызванных преимущественно внутриэлитными процессами. Иначе говоря, взгляды, ценности и ориентации самого общества были в этих случаях факторами по крайней мере вторичными.

Действительно, политические акторы, принимающие свои решения и осуществляющие в ходе внутриэлитного взаимодействия те или иные практические политические шаги, от которых зависит ход демократического транзита, не могут, в частности, так или иначе не учитывать настроения и возможные ответные реакции общества, широких масс населения и не примериваться к ним. Тем

самым массовые политические ориентации и ценности являясь факторами, оказывающими, пусть не прямое, косвенное, но все же — реальное влияние на ход демократического транзита. В особенности это влияние сказывается на фазе консолидации демократии, которая, в отличие от начальных стадий демократического транзита, предполагает в конечном счете соответствие демократических институтов и массовых демократических ценностей и ориентаций общества. Иначе говоря, демократические институты могут быть установлены без массового участия, однако существовать без массовой поддержки и опоры, в том числе в виде соответствующих политических ориентаций и ценностей, демократия не в состоянии. Именно в этом смысле есть все основания говорить о том, что консолидация демократии предполагает в том числе и выработку и массовое принятие демократической политической культуры, ее ценностей, норм и ориентаций.

Заметим при этом, что в контексте демократического транзита между политическими институтами и политическими ценностями и ориентациями масс достаточно отчетливо выявляется двусторонняя взаимосвязь. С одной стороны, существование и практическое функционирование демократических институтов так или иначе, пусть опосредованно, но оказывает свое воздействие на динамику и распространение массовых политических ценностей и ориентаций. В более общем плане можно сказать, что новые демократические институты при всем их несовершенстве, формальном характере и неудовлетворительном функционировании создают, тем не менее, и практические предпосылки, чтобы политические акторы — индивиды и массы — действовали в соответствии с ними, в их институциональных рамках. А это в свою очередь оказывает воздействие и на эволюцию взглядов, ориентаций и ценностей самих политических акторов.

С другой стороны, есть убедительные свидетельства и о том, что фактическое наличие и конкретное распределение в обществе и его подгруппах тех или иных ценностей и ориентаций в свою очередь оказывают влияние на «прививаемые» обществу новые демократические институты. Точнее говоря, на ту конкретную форму, которую они приобретают в новых общественных условиях, и на те конкретные функции, которые они начинают выполнять.

Таким образом, мы видим, что, с точки зрения теории, институты и ценности в процессе демократических транзитов органично

взаимосвязаны и оказывают двустороннее влияние друг на друга. При этом само движение к демократии может начинаться и без наличия соответствующих культурно-ценностных условий, однако консолидация демократии без них, скорее всего, не произойдет. Теперь зададим себе вопрос, каким образом эти общетеоретические положения могут быть применимы к конкретным реалиям посткоммунистических трансформаций — и в первую очередь в России?

Заметим прежде всего, что политическая культура «гражданского» типа в России не выступала в качестве предпосылки и условия демократизации. В этом нетрудно убедиться, если взглянуть, например, на состояние российского массового сознания сквозь ту же методологическую призму основных параметров «гражданской культуры». Начнем с тех из них, которые относятся к личностному и межличностному уровням.

Опросы общественного мнения (данные опросов независимого центра РОМИР) фиксируют более или менее устойчивую степень межличностного доверия примерно на уровне 30%. Это немного — по сравнению со скандинавскими странами, но вполне сравнимо со странами Южной Европы. Поэтому этот параметр, по-видимому, нам все же мало что может дать для прояснения интересующих нас вопросов. Другое измерение «гражданской культуры» — чувство личной политической эффективности, т. е. реальной причастности к политическим событиям, способности так или иначе влиять на них, у населения России находится на еще более низком уровне. Так, количество россиян, считающих, что «наших государственных руководителей мало волнует мнение таких людей, как я», выросло с 80% в 1991 г. до 91% в 1997 г. Население отказывается верить в то, что можно чего-либо добиться, используя существующие институты и их механизмы: с 74 до 84% выросло за период с 1991 по 1997 гг. количество людей, согласных с утверждением о том, что «лучший способ добиться чего-либо в нашем обществе — это путь личных контактов». 80% говорят, что «президента РФ мало волнует мнение таких людей, как я», а 95% — что «депутаты Государственной Думы теряют контакт с народом, как только их изберут». При этом и сами-то люди не слишком высокого мнения о собственной политической компетентности — свыше половины опрошенных считают, что «люди плохо понимают, что для них хорошо, а что — плохо».

Терпимость к чужим взглядам и позициям, политическая толерантность, столь важные, с точки зрения теории «гражданской культуры», для обеспечения массовой поддержки демократии и демократических институтов, — тоже не распространенная в российском обществе добродетель: свыше трети опрошенных убеждены, что «компромиссы с политическими оппонентами опасны». Свыше половины согласны с утверждением, что «в любом обществе следует запретить высказывание опасных идей».

Что же касается личного политического участия, то оно находится на совсем низком уровне, причем с 1991 г., продолжает неуклонно снижаться. Так, в 1997 г. 98% опрошенных сказали, что никогда (разумеется, в посткоммунистический период) не принимали участия в деятельности какой-либо политической партии или общественной организации; 95% никогда не обращались с письмом или звонком в газету, журнал или на телевидение; 94% никогда не обращались к депутату или другому официальному лицу, чтобы добиться решения общественных проблем; 93% никогда не участвовали в митинге или демонстрации. А почти половина российского населения и вовсе считает, что «в участии народа в процессе принятия решений вообще нет необходимости, если этот процесс осуществляется группой компетентных лидеров, внушающих доверие».

Все эти данные, казалось бы, говорят о том, что российское общество в массе своей не предрасположено к усвоению демократических ценностей и ориентаций. Но вместе с тем опросы общественного мнения фиксируют и относительно высокий уровень массовой поддержки индивидуальных прав и свобод — таких, прежде всего, как свобода совести (82%) и свобода слова (63%). Более того, позиция, сформулированная в нарочито резкой форме: «Любой человек или организация имеют право организовать оппозицию или сопротивление любой правительственной инициативе» — неизменно, начиная с 1992 г., получает поддержку свыше половины всех опрошенных (в 1997 г. — 60%). Не менее показательные результаты дает сравнение и таких двух мнений: «Индивидуальные права должны быть защищены, даже если это означает, что виновные не будут наказаны» (58%) и «интересы общества должны быть защищены, даже если это означает, что невинные будут наказаны» (18%). Приоритет индивидуальных прав в массовом сознании, казалось бы, несомненный — но как же его в таком

случае понимать, когда те же самые люди говорят (данные за 1997 г.), что «очень важно остановить преступность, даже если при этом ущемляются права обвиняемого» (55%) и «лучше жить в условиях порядка, чем предоставить людям столько свободы, что начинаются беспорядки» (88%)?

И, наконец, еще один из ключевых параметров «гражданской культуры» — доверие к существующим политическим институтам. Оно на крайне низкой отметке — и продолжает снижаться. Например, по данным Института социологии парламентаризма в 1997 г. Государственной Думе доверяли 10% россиян, президенту — 11%, правительству — 12%, ФСБ — 29%, православной церкви — 44% и вооруженным силам — 48%. Похоже, что и по этим параметрам российское массовое сознание «не дотягивает» до уровня «гражданской культуры».

Приведенные нами данные лишний раз подтверждают очевидные внутренние противоречия и нестыковки в массовом сознании посткоммунистической России. Причем в обоих случаях приводятся, казалось бы, убедительные свидетельства приверженности общим демократическим нормам — и поддержки «сильной руки», убежденности в необходимости выборов — и крайне низкого доверия по отношению к выборным политическим институтам, желания свободы от государственного вмешательства — и стремления к государственным социально-экономическим гарантиям, принципиального одобрения частной собственности — и неприязни к кооператорам, бизнесменам и «новым русским», и т. д.

Сравним для начала данные двух опросов общественного мнения, отделенных друг от друга семью годами (или, что то же самое, целой политической эпохой). Так, по данным РОМИР, осенью 1991 г. в обстановке романтической эйфории 74% опрошенных советских граждан сказали, что для нас приемлема «открытость западных стран войне»; 69% поддержали «западные принципы многопартийности»; 63% — «западную модель рыночной экономики»; 60% — «западные принципы парламентской деятельности»; и даже 40% сочли приемлемым для нас «западный образ жизни».

Как бы то ни было, эта неожиданная прозападная эйфория длилась не долго — уже вскоре она сменилась ностальгией по доперестроечным временам и порядкам, которая с годами только усиливается. Так, например, в 1997 г. на вопрос: «Какая политическая система больше всего подходит для России?» 44% опро-

шенных сказали — «советская система, которая была в нашей стране до перестройки», 21% — «демократия западного типа» и лишь 11% — «та политическая система, которая существует сегодня». Так со всей отчетливостью проявляется реальная многомерность и противоречивость массового сознания в посткоммунистической России, наличие в нем, наряду с некоторыми новыми представлениями и ориентациями, и значительной ценностной пре-емственности.

При сравнении нормативного отношения российского населения к демократии и диктатуре прослеживаются достаточно четкие и постоянные тенденции. Чуть свыше одной трети опрошенных на протяжении последнего пятилетия стабильно отвечают: «Демократия в любом случае лучше, чем диктатура». При этом менее одной трети респондентов говорят: «При определенных условиях диктатура может быть лучше, чем демократия». Еще раз обратим особое внимание на то, что в данном случае опрошенные высказывают нормативные, т. е. общечеловеческие оценки, а никоим образом не характеризуют конкретную ситуацию в России и возможные (демократические или авторитарные) пути решения существующих проблем. Но и в этом случае сегодняшнее нормативное восприятие демократии российскими людьми, пусть стабильно, но не слишком высоко — особенно в сравнении с данными по другим странам — участникам демократических транзитов третьей волны. Фактически нормативная поддержка демократии в России в полтора, а то и в два раза ниже, чем в «переходных» обществах Латинской Америки, а нормативная поддержка диктатуры — соответственно выше.

Еще одно обстоятельство представляется важным для нашего рассуждения. В центральном- и восточноевропейских странах, даже при отрицательной оценке нынешнего экономического положения, решающим фактором поддержки политики болезненных экономических реформ является уже отмеченная нами недифференцированная («диффузная») поддержка существующего демократического режима и четко выраженные экономические и политические надежды и ожидания лучшего будущего. Показательно, что все это совсем не обязательно связано с резко критическим отношением к старому режиму. Иными словами, можно успешно осуществлять демократический транзит и при этом признавать конкретные достижения прежнего недемократического режима. К тому же поло-

жиельная оценка отдельных сторон прошлого отнюдь не означает желания вернуться в него.

В России же — почти все «с точностью до наоборот»: опросы фиксируют чрезвычайно низкую оценку нынешнего политического режима, неверие в его будущее и, соответственно, все более растущую ностальгию по прошлому. Переведенные на язык дескриптивных оценок реальных политических институтов, эти массовые настроения демонстрируют прогрессирующее разочарование в существующих механизмах и всей практике российской посткоммунистической демократии. Так, например, с 1991 г. неуклонно снижается количество людей, согласных с тем, что «конкуренция между различными партиями делает нашу политическую систему сильнее» (в 1992 г. — 47%, в 1994 — 34%, в 1997 — 33%). При сохранении нормативной поддержки выборов как обязательного атрибута демократии, российская общественность, тем не менее, просто отказывается верить, что «выборы заставляют наших руководителей учитывать мнение простых людей» (в 1992 г. — 14%, 1994 — 12%, 1997 — 15%). Поэтому вряд ли удивительно и то, что при стабильно сохраняющейся и относительно все же умеренной нормативной поддержке авторитаризма, респонденты, разочарованные в реальных демократических механизмах, в гораздо большей степени высказываются в пользу авторитарного решения именно сегодняшних российских проблем (в 1997 г. 72% опрошенных согласились с утверждением, что «для России сейчас главное — стабильность и порядок, а не демократия и свобода»).

В сегодняшней России мы имеем дело со стабильной, хотя и более низкой, чем в других «переходных» обществах, нормативной поддержкой демократии и катастрофически низкими дескриптивными оценками реальных политических институтов. Если это, действительно, свидетельство глубоко укорененной преемственности в российском обществе недемократических ценностей и ориентаций, тогда, по всей видимости, правы те, кто считает, что оно еще не созрело для демократии и что российская политическая культура не только в ее традициях, но и в ее нынешнем состоянии является препятствием для институционализации демократии в России.

Однако можно предположить другое — что эти негативные дескриптивные оценки реальности новых российских политических институтов говорят не столько о людях, сколько о самих этих институтах, что эти институты, будучи демократическими по своей

форме, по сути своего реального функционирования являются в значительной степени недемократическими механизмами, обеспечивающими сохранение режима власти. Что, если люди все это видят и фиксируют в своих оценках? Похоже, что общественное мнение просто протоколирует реальное состояние новых политических институтов — равно как и то расстояние, которое отделяет их от нормативного идеала, закрепленного в массовом сознании. Что же, собственно говоря, эти люди понимают под самой демократией?

Социологические данные рисуют очень примечательную картину: как раз те демократические институты и механизмы, которые получают в общественном мнении низкую дескриптивную оценку, той же общественностью нормативно оцениваются весьма высоко. Так, согласно данным РОМИР, на вопрос о том, что вы конкретно понимаете под демократией, 92% опрошенных соглашались с ответом: «Руководители страны избираются в ходе свободных выборов», а 85% при этом говорят: «Существует конкуренция политических партий за власть». Напомним, что, согласно приведенным выше данным, именно в качестве реальных измерений российской демократии свободные выборы и конкуренция политических партий общественным мнением оцениваются сегодня несоизмеримо ниже (примерно на уровне 15 и 33% соответственно).

Высокая нормативная и низкая дескриптивная оценки общественным мнением самого принципа и реальной процедуры выборов немало говорят нам и о самом демократическом идеале, закрепленном в массовом сознании. По сути дела, демократия понимается сегодня населением России не в духе массового политического участия и способности постоянно оказывать воздействие на принятие решений, а как способность регулярно избирать руководителей, которые в свою очередь после этого вовсе не обязаны учитывать мнение своих избирателей.

Но демократический идеал в глазах российского общества имеет и следующие совершенно примечательные характеристики: 75% считают, например, что демократия означает, что «люди ведут себя ответственно — таким образом, чтобы правительство могло работать эффективно». В представлениях россиян о демократии нет ни грана какой бы то ни было «вседозволенности», речь идет скорее об «ответственной демократии» (или, лучше сказать,

«демократии ответственности»), причем требование ответственности распространяется и на общество, и на государство.

Не менее важно и то, что только 26% согласны с тем, что при демократии «государство не вмешивается в экономику». Фактически получается такая картина — идеальная демократия, согласно представлениям российского населения, имеет важное процедурное измерение, т. е. существуют и в полной мере функционируют такие ее обязательные атрибуты, как свободные выборы и многопартийность (однако не в том деформированном и искаженном виде, в каком они реально существуют сегодня в России — именно поэтому их дескриптивные оценки крайне низкие), но при этом демократия обладает и важным социально-экономическим измерением, в соответствии с которым предполагается, что люди ведут себя «ответственно», а государство играет активную роль в экономике.

И вот как раз с этим-то нынешняя власть, по мнению российской общественности, совершенно не справляется. Не удивительно, что на вопрос о том, «соответствует ли деятельность правительства Вашим представлениям о демократии», 59% говорят — «нет» и лишь 26% — «да».

На основании подобного рода данных многие наблюдатели делают вывод о доминировании в российском общественном мнении консервативных, недемократических и антиреформистских, антирыночных настроений и ориентаций. Но так ли это? Действительно ли сегодняшнее российское общество вообще противится экономическим реформам или, может быть, все дело — в самом характере реально осуществляемых в России реформ, в их несоответствии общественному нормативному идеалу?

Продолжения экономических реформ, несмотря на глубочайшее разочарование в их стратегии и в их практических результатах, в России все же хочет почти половина всего населения. При этом уровень поддержки экономических реформ на протяжении последних пяти лет, хотя и снижается, но все же не так значительно. Один из последних опросов РОМИР показывает, что 44% опрошенных согласны с утверждением, что «экономические реформы должны продолжаться, даже если это тяжело для народа». В целом поддержка экономических реформ российским населением сегодня значительно выше, чем удовлетворенность состоянием экономики.

Сегодня в массовом сознании российского населения в целом позитивное идеальное (нормативное) отношение к демократии и рыночной экономике резко противопоставлено крайне негативным конкретным (дескриптивным) оценкам реального состояния экономики и функционирования основных политических институтов. Общественность в целом высказывается за социально ответственную рыночную экономику при активной роли государства и широких социально-экономических гарантиях. Однако в реальной российской жизни ничего из этого общественное мнение не видит и поэтому отвергает не экономические реформы как таковые, а их нынешнее содержание и направленность.

Поддерживая идею демократии в целом, общественное мнение в сегодняшней России понимает ее специфическим образом — в духе «демократии ответственности» при государстве — гаранте индивидуальных прав и свобод. Это отнюдь не понимание демократии в духе западной политической традиции, но и не проявление врожденного авторитаризма российской политической культуры. В представлении населения, основные политические институты посткоммунистической России совершенно не соответствуют понимаемому таким образом демократическому идеалу и поэтому не пользуются массовой поддержкой.

Хотя демократические по своей форме новые политические институты используются правящим режимом в недемократических целях, закрепленные в них отдельные элементы демократических процедур опираются на достаточно широкую общественную поддержку. В свою очередь, они способствуют закреплению в российском массовом сознании демократических привычек и навыков.

В более общем плане есть основания для вывода о том, что демократические институты и соответствующие политические ценности и массовые ориентации взаимосвязаны. Не будучи условиями и предпосылками для начала демократического транзита, распространенные в обществе ценности и ориентации, тем не менее, не могут не учитываться политическими акторами. Демократия, особенно на стадии ее консолидации, нуждается в опоре на массовые демократические ценности и ориентации — без них демократические институты в перспективе не в состоянии «работать».

От веры в демократию как таковую и в демократический характер существующей власти во многом зависит и готовность населения смириться с тяготами осуществляемых экономических ре-

форм и надеяться на лучшее будущее. Вера в легитимность демократии напрямую не связана с краткосрочной экономической эффективностью демократического режима. Напротив, прерванные или незавершенные демократические преобразования, «зависание» демократического транзита значительно осложняют, если вообще не делают невозможным, осуществление экономических реформ в «переходном» обществе.

ВОСПРИЯТИЕ И ОЦЕНКА ЭКОНОМИЧЕСКИХ ПРЕОБРАЗОВАНИЙ В УКРАИНЕ И РОССИИ

Сергей МАКЕЕВ — заведующий отделом Института социологии НАН Украины, доктор социологических наук

Денис СЕВРЮКОВ — студент Института международных отношений Киевского национального университета им. Тараса Шевченка

Суждения и мнения людей, пусть даже опрошенных по всем правилам социологического метода, представляют собой весьма неблагодарный материал для притязаний на строгость выводов и констатаций. Заключать от настроений и выносимых оценок к политической или экономической ситуации, а в равной мере от так называемой «объективной» ситуации к настроениям и оценкам — это операция неправомерная, сколь бы научно она ни была обоснована, какими бы формальными методами ни обосновывалась. Мнения и суждения — суть автономная реальность, фокусирующая не только актуальные позиции индивидов в экономическом и социальном пространствах, но и многое такое, о чем сторонний наблюдатель догадывается, но в чем не может быть уверен до конца. Это тем более характерно для обществ, пребывающих в переходном либо кризисном состоянии.

Самим ходом вещей в наших странах основательно поколеблено само представление об индивидуальном статусе или позиции. Такая позиция или статус проблематизированы случившимися в российском и украинском обществах трансформациями.

Небезопасная экономическая и социальная повседневность — вот реальность, с которой столкнулось большинство населения наших стран, вот призма, через которую преломляются все вопросы социологов об отношении к экономическим реформам или преобразованиям. То, что социологи продолжают спрашивать о «реформах» у обеспокоенных повседневными делами и неурядицами людей, способных только их замечать и оценивать, в лучшем случае является проявлением непрофессионализма, в худшем — цинизма.

По настоящему-то дело вовсе не в том, чтобы назвать «реформы» их подлинным именем, поупражнявшись в изболителстве: скажем, «грабежом народа», «прихватизацией», «номенклатурной экономической вакханалией» и т. п. Проблема в ином — в конструировании той модели, на которую в большем или меньшем приближении повседневная жизнь людей могла бы быть похожа.

Поскольку сравнению подлежат восприятие и оценки населения двух стран, постольку сразу же подчеркну, что эти оценки являются реакциями населения на повседневные ситуации в их жизненных мирах или, точнее, реакциями на опыт включения или исключения из систем и структур действия и вознаграждения. В этих оценках, как легко убедиться из таблиц 1—5, гораздо больше сходного, чем отличного.

Таблица 1.

Оценка экономической ситуации в Украине и России
(%, в России без тех, кто затруднился ответить)*

Страна	Россия			Украина		
	1996	1997	1998	1996	1997	1998
хорошая	1	2	1	1	1	1
средняя	21	14	17	4	4	3
плохая	69	75	72	95	95	96

* Источники: Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. — ВЦИОМ, Интерцентр, Академия народного хозяйства. — 1998, №2.; Політичний портрет України. Бюлетень фонду «Демократичні ініціативи». — 1998, №20.

Таблица 2.

*Оценка материального положения семьи в Украине и России
(%, без тех, кто затруднился с ответом)*

Страна	Россия			Украина		
	1996	1997	1998	1996	1997	1998
хорошее	5	4	4	3	3	3
среднее	43	41	41	10	10	9
плохое	50	54	53	87	87	88

В обоих случаях заметно большая часть населения оценивает и экономическую ситуацию в стране и материальную ситуацию своей семьи как плохую. Причем в Украине такого мнения придерживаются девять человек из десяти, а в России заметно меньше: семь и пять из десяти соответственно (см. табл. 1 и табл. 2).

Отсюда, однако, не следует, будто экономическая ситуация в России лучше, чем в Украине — не в опросах подобное выясняется и не только этим такое различие может объясняться. Не это является наиболее интересным, а совсем иное — положение в экономике страны хуже, чем в экономике отдельной семьи.

Граждане обеих стран в общем-то богаче государства, в котором живут — вот феномен, подлежащий истолкованию. Как все обстоит на самом деле, предстоит выяснять представителям социальных наук совместными усилиями. Мои же предположения сводятся к следующему. В результате так называемых реформ нарушенной оказалась хозяйственная взаимосвязь индивида и государства. Экономический суверенитет индивида, не имеющий ничего общего с формированием эффективного частного собственника, приводит к тому, что люди начинают конструировать собственные экономики, обслуживающие локальные общности и образования. Распадению экономической материи на относительно автономные анклавы способствует прежде всего то, что некоторые социально-культурные универсалии перестают быть таковыми.

Наиболее показателен пример денег. И в Украине и в России они уже не универсальный товар и не универсальное средство обращения. Мне, как не экономисту, здесь очень многое непонятно. Но и для меня очевидно, что если вместо денег начинают между географическими пунктами двигаться эшелоны с металлом и углем, то потери времени становятся просто не поддающимися учету. Отсюда — замедление всех и всяческих процессов — экономических и социальных, отсюда — недопустимое охлаждение экономики. Низведение денег до статуса заурядного товара в неработающей экономике превращает их в единственный товар, неизменно пользующийся спросом. И в России и в Украине уже из собственного опыта знают, к чему это ведет — его можно превратить в сверхдефицитный, чем и поставить радикально под сомнение всю финансовую систему.

Но если бы все сводилось только к проблеме скорости и дефицитности. Утрата деньгами универсальности означает и утрату управляемости экономическими процессами, поскольку общество и государство перестают «видеть» направленность и содержание экономических процессов, перестают видеть и сами экономические процессы. Ведь деньги не только мера стоимости и средство обращения — они универсальный информатор и осведомитель, они

наиболее точны в описании происходящего между производителями и потребителями. Внешний наблюдатель в лице правительства или банка элементарно «слепнет», если деньги перестают информировать и посылать сигналы. Вероятно, украинская и российская экономики в значительной степени «теневые» потому, что их не видит «правительство» по вышеуказанной причине, которая лишь одна из многих. Утрата же контроля за процессами незамедлительно оборачивается утратой управляемости.

Легко представить себе, что подобная ситуация соответствует многочисленным группам разнообразных экономических интересов. И вовсе не обязательно думать в данном случае об интересах криминальных или нелегальных. Нельзя исключать привлекательности этой ситуации для массовых устремлений и предпочтений, угнездившихся в повседневной жизни рядовых граждан. Из табл. 3 легко убедиться в том, что значительная часть граждан в обеих странах настаивает на необходимости продолжения реформ. Причем для Украины свойствен, пожалуй, раскол на противников и сторонников, тогда как в России значительная часть населения находится в раздумье и не имеет устоявшегося мнения.

Таблица 3.

Продолжать или прекратить экономические реформы (%)*

Страна	Россия			Украина		
	1996	1997	1998	1996	1997	1998
Мнение, год						
продолжать	38	34	34	48	44	44
прекратить	22	27	26	34	38	39
затрудняюсь ответить	40	39	40	18	18	17

* Формулировки вопросов в мониторингах стран не совпадали, равно как и формулировки ответов. Отсюда серьезные ограничения на интерпретацию результатов. Однако тенденции, думается, все же удается фиксировать.

Среди 44% граждан Украины и 34% граждан России в 1998 году есть, несомненно, идеальные сторонники рыночных преобразований. Но немало должно быть и практиков, уверенно чувствующих себя в пределах экономического поля, которые рассматривают его как пространство возможностей — то есть тех, кто обло-

дает развитым экономическим чувством и способен извлечь максимум материальных и социальных выгод из наличной ситуации.

В заключение еще два идентичных вопроса, которые использовались в мониторинговых опросах в России на протяжении нескольких лет, а в мониторинг в Украине были включены только в нынешнем году. Каждый десятый в России и каждый двенадцатый в Украине уверен, что все не так уж и плохо. 42% опрошенных в России говорят о том, что жить в этой стране в общем-то можно, хотя и трудно, а в Украине таковых только 31%. И, соответственно, обратные соотношения в долях тех, кто уже не выносит сложившихся обстоятельств: 40% и 60%. В Украине граждане, следовательно, формулируют более радикальные суждения. Но подчеркнуть еще раз: от радикализма суждений до радикализма протестных действий или радикализма политического — дистанция весьма значительная. Стоит напомнить, что на мартовских выборах в Верховную Раду Украины за Коммунистическую партию проголосовало чуть больше 6 млн. из 27 млн., пришедших на избирательные участки.

Таблица 4.

Какое из приводимых высказываний более соответствует сложившейся ситуации (% опрос в России в январе 1998 г., в Украине в мае 1998 г.).

Высказывания, страна	Россия	Украина
все не так плохо и можно жить	10	4
жить трудно, но можно терпеть	42	31
терпеть наше бедственное положение уже невозможно	40	60
затрудняюсь ответить	8	5

Другими словами, так называемые экономические реформы помещают — по признанию самих участников опросов — в «объективно» левую ситуацию большинство из них. Однако не происходит «полевения» взглядов, результирующегося в голосовании за вполне определенные партии, которое бы соответствовало актуальным жизненным обстоятельствам. Отсюда и две гипотезы, подлежащие эмпирической проверке. Гипотеза первая — новые политические ценности разделяет уже значительная часть избирателей, причем они укоренились столь основательно, что люди го-

лосуют, не принимая во внимание свое материальное и социальное положение (не исключено, что имеет смысл вести речь не об укоренении новых, а о дискредитации и делегитимации прежних ценностей).

Гипотеза вторая: действительное материальное и социальное положение граждан отличается от декларируемого, и они голосуют в согласии с ним. В опросах же фиксируется феномен «прибеднения», столь свойственный нашей общей культуре и вовсе не присущий культуре западной. Впрочем, не совсем ясно, каким образом выяснить это действительное положение. По крайней мере, социологические опросы не являются тут релевантным методом, ведь доходы укрываются от посторонних глаз с особой тщательностью. Маркетинговые фирмы, непосредственно заинтересованные в точном определении материального статуса потребителей, используют довольно изощренные методики фиксации дохода, но, тем не менее, в итоге умножают полученные сведения на 1,5. Исследование бедности, проведенное Киевским международным институтом социологии, показало, что расходы превышают сообщенные доходы в 1,8 раза.

В этой связи уместно напомнить, что согласно данным исследований Мирового банка в России и Украине отмечаются наивысшие для посткоммунистических стран значения характеризующего неравенство коэффициента Джини: 0,48 и 0,47 соответственно (в Эстонии 0,35, в Латвии 0,31 — *Milanovic Branka*: «Income, Inequality and Poverty during the Transition from Planned to Market Economy». — The World Bank: Washington. — 1998. — P. 41). На долю десятого квартиля в России приходится 20% всего дохода, а в Украине 14% (там же. — P. 45). Это — реальная основа для перераспределительных процессов, позволяющих семьям обрести более уверенное материальное положение, чем государству. Респонденты, как мы могли убедиться, информировали нас о данном факте.

Сведения, содержащиеся в табл. 5, завершают краткий обзор восприятия и оценки того, что в наших странах мы все вместе и по отдельности делаем с экономикой. По сути, экономические агенты живут и действуют, не ожидая перемен к лучшему. Более двух третей опрошенных в Украине и 64% в России не питают на этот счет никаких иллюзий, готовясь только к худшему. Стоит предполагать, что «консервация настоящего» состоялась не только в умах и настроениях граждан, но и стала основой соответствующего пове-

дения, которое ориентировано только на сегодняшний день, на актуальное настоящее. Будущее закрыто перед нашими обществами, поскольку граждане живут сиюминутным, текущим моментом, они видят смысл только в эксплуатации длящегося здесь и теперь. Это настроение и эта форма поведения имеют вполне реальные социальные и экономические импликации.

Так называемое бегство капиталов, неинвестирование собственного производства есть прямое следствие сосредоточенности на актуальном моменте и отсутствия временной перспективы. И то же самое является прекрасной основой не для бунтов — как о том предупреждають нас разномыслные устрашители, — но для паник и бегства. Соответствующие визуальные ряды, полагаю, еще у всех перед глазами.

Таблица 5.

В течение ближайшего года наша жизнь наладится или улучшения не произойдет (%)

Суждения, страна	Россия	Украина
более или менее наладится	16	11
никакого улучшения не произойдет	64	70
затрудняюсь ответить	20	19

Таким образом, в наших странах схожее и общее в восприятии населением экономической ситуации доминирует над отличающимся и особенным. Хотя и не вместе, но мы движемся в общем направлении, судя по всему — в направлении непривлекательного и неперспективного.

ПРЕЗИДЕНТСКАЯ И ПАРЛАМЕНТАРСКАЯ РЕСПУБЛИКИ КАК ФОРМЫ ДЕМОКРАТИЧЕСКОГО ТРАНЗИТА (российский и украинский опыт в мировом контексте)

Виктор КУВАЛДИН — профессор МГИМО, руководитель Центра политологических программ «Горбачев-Фонда»

Агония европейской социалистической государственности на рубеже 80-х — 90-х годов привела к быстрой трансформации политических систем. Если в Центральной Европе предпочтение отдавалось парламентским республикам, то на постсоветском пространстве доминируют президентские формы правления. Богатый опыт новых политий расширил и углубил наше представление об этом многообразном институте. Они значительно дополнили мировую коллекцию президентских режимов, дав ученым и практикам обильную пищу для размышлений о современных формах организации политической власти.

Истории становления президентства в России и Украине столь же уникальны и неповторимы, как и в любой другой стране. Но в них также проглядывают черты, общие для целой группы стран, распрощавшихся с социалистическим прошлым. Оглядываясь назад, трудно предположить, что от партийного государства можно прямо перейти к развитой демократии. Над постсоциалистическими странами тяготеет императив догоняющего развития, они вынуждены ускоренно модернизировать народное хозяйство, политическую систему, национальную культуру в широком смысле слова. Такой рывок требует мобилизации духовных и материальных ресурсов, концентрации политической воли, сильной власти. В странах, не избалованных демократическими традициями, это часто означает режим личной власти.

Необходимость сочетать в себе легитимность и эффективность наделяет президентов в постсоциалистических обществах большей властью, чем определяют положения конституции. Личный аппарат, практика раздачи должностей, повышенное внимание средств массовой информации, широкое поле политического маневра, возможность напрямую апеллировать к гражданам, контроль над силовыми структурами превращают президента в уникальную политическую фигуру. Восточноевропейские и постсоветские президенты символизируют единство нации, в трудных условиях ищущей

свое место в мире на пороге XXI века. Следуя исторической драматургии, методом проб и ошибок они прокладывают дорогу в неясное будущее.

Формула президентства определяется политической зрелостью общества. Более или менее сформировавшееся гражданское общество, демократические традиции, относительно укорененная партийная структура порождают парламентские системы с избранием президента депутатским корпусом (Чехия, Венгрия, Словакия, Эстония, Латвия). Там, где социальные и политические институты неразвиты и слабы, вакуум заполняет президентская власть, нередко с авторитарными наклонностями.

Тяжелая наследственность и сила обстоятельств не перекрывают наглухо дорогу к демократии. Двигаясь из одного исходного пункта, 15 постсоветских государств демонстрируют широкую гамму возможностей от «туркменбазизации» до создания парламентских систем. Если ограничиться славянскими республиками, то острые конфликты президентов и парламентов в России, Украине и Белоруссии решались по-разному. Даже внутри России, в национальных республиках возникают различные комбинации исполнительной, законодательной и судебной властей. Многое зависит от так называемого субъективного фактора — личных качеств людей, оказавшихся на политическом Олимпе в смутное время больших перемен.

В постсоциалистических обществах характер политической системы определяет не только степень свободы граждан, но и тип экономического и социального развития. Установление авторитарных и олигархических режимов под видом президентских республик ведет к крайне несправедливой приватизации государственной собственности, быстрой имущественной поляризации, засилью паразитических форм капитала, социальной напряженности. Материальная подавленность закрепляет гражданское и политическое бесправие основной части населения. В одной стране образуются два общества, находящиеся в состоянии вражды друг с другом. Трансформация жизненного уклада идет медленно и мучительно. Глубина и острота социальных противоречий сильно осложняют развитие демократических институтов.

Президентство стало политическим атрибутом постсоциалистического мира. Но его смысл и направленность могут быть диаметрально противоположными. Президентскую оболочку можно

упаковать в традиционные отношения и структуры. За фасадом президентской республики может скрываться и личная диктатура, и режим олигархии. Президентская власть может стать орудием демократических преобразований.

На базе богатейшего опыта политических модернизаций XX века транзитологи и компаративисты стараются определить потенциальные возможности и оптимальные условия становления политической демократии. Разные исследователи сходятся на том, что характер отношений между властью и оппозицией прежде всего определяет, насколько долгой и трудной окажется дорога к демократии, а переходный период накладывает сильный отпечаток на формирующуюся политическую систему.

Если движение к демократии лучше всего начинать сверху, то закрепить ее можно только при активном участии и поддержке масс. Демократические нормы и ценности прививаются в обществе тем успешнее, чем более очевидны для населения преимущества новой формы правления. Получается замкнутый круг: укрепление демократии требует повышения уровня и качества жизни широких слоев населения, а это лучше всего обеспечивает отлаженная система демократических институтов. Здесь пружина многих драм переходного периода: остановок, откатов, бросков в сторону.

Многообразие демократических экспериментов дает обильную пищу для аналитиков. В частности, одна из наиболее живо дискутируемых проблем — сравнительные достоинства и недостатки президентских и парламентских систем с точки зрения перспектив демократического развития. Значение этого аспекта трудно переоценить. Выбор политических институтов особенно важен в период перехода к демократии¹.

Анализ сравнительных достоинств и недостатков парламентских и президентских республик много дает для понимания происходящего в бывшем социалистическом лагере. Постсоветские и постюгославские государства выбрали — пусть формально — полупрезидентские режимы, а страны Центральной Европы — парламентские системы, во многом похожие на немецкую. Хотя формальные различия в конституционном устройстве постсоциалистических государств, возможно, не столь велики, в реальной жизни они движутся в разных направлениях. В то время как в Центральной Европе все попытки президентов увеличить свою власть жестко блокируются правительствами и парламентами, в бывших Советском

Союзе и Югославии президенты уверенно подминают оппонентов². Вероятно, существует невидимая грань, за которой объем президентских полномочий становится губительным для зарождающихся демократических институтов.

Политическая практика постсоциалистических стран хорошо согласуется с мировым опытом. Между 1973 и 1989 годами в 77 из 168 государств хотя бы в течение одного года существовали демократические режимы. Если исключить из их числа 24 старые демократии, входящие в Организацию экономического сотрудничества и развития, то остается 53 страны. 28 из них были парламентскими республиками, 25 — президентскими. На протяжении рассматриваемого периода (1973—1989 гг.) демократиями в течение 10 лет подряд оставались 17 из 28 парламентских республик (61%) и только 5 из 25 президентских (20%). Другими словами, уровень выживаемости парламентских демократий был в 3 раза выше, чем президентских³.

Конечно, эти цифры не надо абсолютизировать. В частности, на корректность сравнений серьезно влияют следующие обстоятельства. Если оставить в стороне постсоциалистический мир, то президентские системы чаще других выбирают латиноамериканские и африканские государства с их тяжелым грузом нерешенных проблем, доставшихся от прошлого. Парламентской системе отдают предпочтение в Европе и бывших британских колониях (среди них много островных минигосударств с населением менее полу-миллиона человек), где, как правило, существуют более благоприятные условия для утверждения демократических институтов.

Эти важные поправки существенно корректируют, но не перечеркивают сравнения не в пользу президентских республик. Это объясняется большей открытостью, гибкостью, профессионализмом парламентских систем: правительство, опирающееся на политическое большинство, большая управляемость в условиях многопартийности; для глав правительства — возможность и необходимость действовать строго в конституционных рамках; меньшая склонность к военным переворотам; длительные политические карьеры, позволяющие накопить опыт и наладить отношения.

Трудности демократической консолидации президентских республик становятся практически непреодолимыми в условиях многопартийной системы. Политологи обращают наше внимание на то обстоятельство, что только 4 (Колумбия, Коста-Рика, Соединенные

Штаты, Венесуэла) из 31 устойчивой демократии, существующей не менее 25 лет подряд, имеют президентские режимы (24 — парламентские, 2 — полупрезидентские, 1 — гибридную), и ни в одной из четырех нет многопартийной системы. Есть только один исторический пример такого рода: Чили с 1933 по 1973 год. По их мнению, президентство в сочетании с многопартийностью образует взрывную смесь, сводящую шансы демократической консолидации к минимуму⁴.

Между тем такая комбинация встречается часто. В 40-е — 80-е годы из 31 президентской демократии половина (15) имела многопартийные системы. Только одна из них оказалась живучей, в то время как половина (5 из 10) президентских республик с двухпартийной системой, позволяющей контролировать парламент, просуществовала не менее 15 лет⁵.

В президентских демократиях чем больше партий, тем неустойчивее политическая система. Возможно, именно многопартийность делает президентские демократии особенно хрупкими и уязвимыми, поскольку она порождает три негативных эффекта: 1) большую вероятность паралича власти вследствие противостояния президента и парламента; 2) сильную идеологическую поляризацию политической жизни; 3) сложность создания межпартийных коалиций президентского большинства.

Ущербность президентских демократий заставляет политологов искать спасительные рецепты. Кое-кто предлагает начать оздоровление системы с сокращения числа парламентских партий путем изменения избирательного законодательства. Правда, при этом считается необходимым не терять чувства реальности, поскольку искусственное насаждение двухпартийной системы может принести только вред⁶. Действительно, партии являются живыми образованиями, продуктом исторического творчества и плохо поддаются административному воздействию.

Более радикальным решением является движение от президентства к парламентаризму. Его шансы на успех тоже во многом определяются состоянием партийной системы. Чем сильнее и дисциплинированнее политические партии, тем легче перейти к парламентской системе.

Несмотря на все противопоказания, многие постсоциалистические страны выбрали президентскую форму правления. Вряд ли это можно объяснить незнанием precedентов. В сторону прези-

дентства постсоциалистический мир разворачивали мощные силы. В поисках ответа на вопрос, чем продиктован выбор формы правления, в частности, выделяют в качестве решающего фактора степень преемственности на уровне элит. Чем она выше, чем прочнее позиции старой номенклатуры в новой системе власти, тем вероятнее выбор президентской модели политического устройства⁷.

Симпатии к президентству или парламентаризму определяются логикой борьбы за властные ресурсы государства. Представители старых элит, поднаторевшие в коридорах власти, предпочитают президентство, потому что так легче держать все под контролем, не подпуская чужаков. Новые люди, поднявшиеся на антикоммунистической волне, выбирают парламентскую систему, поскольку она им открывает более широкие возможности доступа к власти. В итоге то, кто и на чем делает акцент — определяет перспективы демократии⁸.

Многочисленные неконсолидированные демократии, существующие в современном мире, являют собой пеструю картину. Наиболее важное, принципиальное деление проводит главный редактор «Форин афферс» Ф. Закария в статье, недавно опубликованной в «Нью-Йорк таймс». Он подчеркивает тот факт, что в половине неконсолидированных демократий политические и гражданские права в основном сводятся к более или менее свободным выборам. Все остальное — власть закона, права собственности, разделение властей, свобода слова, собраний, вероисповедания — не гарантировано. Ф. Закария определяет эти страны как «нелиберальные демократии». На основании исторического опыта Запада он утверждает, что конституционный либерализм заложил прочные основы современной демократии, но «нелиберальные демократии» не создают предпосылок для утверждения гражданских прав и свобод⁹.

По классификации Ф. Закария, Россия и Украина скорее относятся к «нелиберальным демократиям». Специалисты определяют ее как «делегированную», т. е. внешне похожую на современную представительную демократию, но по сути, ее антипод. Она соответствует минимальным формальным критериям демократического устройства, но по своей политической практике больше напоминает авторитаризм¹⁰.

Разработанная на латиноамериканском материале концепция «делегированной демократии» сфокусирована на фигуре законно-

избранного президента, высоко вознесшегося над партиями, парламентом, судом, другими политическими институтами. Он — воплощение нации и правит по своему усмотрению. Фактически он не подотчетен никому, поскольку существующие институты слишком слабы, чтобы уравновесить и контролировать президентскую власть. Ближайшими родственниками таких режимов являются цезаризм, каудилизм, бонапартизм, что говорит само за себя.

Политологи полагают, что «делегированная демократия» вращается в порочном кругу. Она порождается слабостью демократических ценностей, институтов и консервирует это состояние. Даже президенты мало что могут изменить, ибо они всемогущи и всемогущи одновременно. «Дорога от коммунизма к демократии длиннее и тернистее, чем дорога от демократии к коммунизму», — замечает П. Кубичек¹¹.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. См.: Scott Mainwaring. *Presidentialism, Multipartyism and Democracy*. — «Comparative Political Studies», Vol. 26, №2, July 1993, pp. 198 — 199.
2. См.: Thomas A. Boylis. *Presidents versus Prime Ministers*. — «World Politics», 48 (April 1996), p. 319.
3. Alfred Stepan, Cindy Skach. *Constitutional Frameworks and Democratic Consolidation* — «World Politics», 46 (October 1993), p. 13.
4. S. Mainwaring. *Op. cit.*, pp. 199. 204 — 205.
5. *Ibid.*, p. 212.
6. См.: «Comparative Political Studies», Vol. 26, №2, July 1993, p. 225.
7. См.: «Journal of Democracy», Vol. 4, October 1993, p. 8.
8. Gerald N. Ester. *Preference for Presidentialism*. — «World Politics», 49 (January 1997), pp. 184, 187—189.
9. «The New York Times», Nov. 2, 1997, wk 15.
10. См.: Paul Kubicek. *Delegative Democracy in Russia and Ukraine*. — *Communist and Post-Communist Studies*, 1994, 27(4), pp. 423 — 441.
11. *Ibid.*, p. 438.

РОЛЬ ЦЕНТРУМА В ОСУЩЕСТВЛЕНИИ ПОЛИТИЧЕСКИХ И ЭКОНОМИЧЕСКИХ РЕФОРМ

Татьяна АЛЕКСЕЕВА — заведующая лабораторией философских проблем политики ИФ РАН, член Правления РАПН, доктор философских наук, профессор

Мы постоянно сталкиваемся с проблемой несовпадения слов и смыслов, характерного для современной отечественной политической науки. «Центрум», приверженность к которому в последнее время не провозгласили разве что только самые ярые ортодоксы, относится, по-видимому, к числу таких удобных и весьма расплывчатых понятий. Хотя это слово стало общеупотребительным, политическая теория предпочла либо вообще отмолчаться, либо сказать крайнее мало на эту тему.

Под крышу центрума попадают и партии типа немецкой католической партии XIX века, которая так прямо и назвала себя «Центрум», чуть ли не все «христианские демократы», в то же время это эвфемизм, к которому очень любят прибегать правые партии, полагая (и не без оснований), что принадлежность к «центру» добавляет им респектабельности.

Не меньшая путаница царит по поводу оценки значения и роли центрума. Морис Дюверже рассматривал центрум как причину нестабильности кабинетов и непоследовательной политики. Современные теоретики полагают, наоборот, что центрум — фактор стабилизации.

Наконец, «центрум» часто употребляется в метафизическом смысле:

- как определение равновесия между разными социальными группами;
- как человек или партия, которые могут обеспечить большинство, присоединяясь к одной из полярных сил.

«Центр» часто ассоциируется с умеренными силами, а в ряде случаев просто с нежеланием принимать какие-то серьезные решения, плывя по течению. Как бы там ни было, очевидно, что это определенный набор политических принципов, а отнюдь не идеология, что не исключает наличия идеологических платформ у партий «центра». Ему присущ идеологический плюрализм, допускаю-

щий конкуренцию разных идей, прагматизм и умеренность, акцент на тактике, а не на стратегии.

Тем не менее, несмотря на аморфность и нестрогость концепции, несмотря на отсутствие ясности в нормативном и эмпирическом смысле, что диктует ограниченность ее аналитического применения, центр позволяет увидеть еще один аспект в транзите. Джованни Сартора в своей хрестоматийной работе «Партии и партийные системы: рамки анализа» (1976 г.) ввел исключительно важное различие относительно роли центра в обществе стабильном, эволюционно развивающемся, и в обществе транзитного типа.

В стабильном обществе, т. е. обществе, где достигнуто согласие относительно фундаментальных ценностей (речь идет, разумеется, не о единомыслии, а о каком-то варианте «перекрестного консенсуса» в духе известной модели Джона Роулса), политический спектр обнаруживает центростремительную тенденцию. Радикалы постоянно вытесняются на фланги политического пространства, оказываясь в положении маргиналов. Но это возможно лишь при сильной исполнительной власти, с сильной легитимностью.

В обществе транзитного типа картина меняется на противоположную. Радикалы составляют большинство, пространство центра минимально. Наблюдается мощный эмоциональный накал, обвинения в «соглашательстве», если не в «предательстве»; компромисс найти крайне трудно. Обычно слабая исполнительная власть не в состоянии сыграть примиряющую роль.

Основные принципы поведения партий «центра»:

1) обеспечение стабильности общества и гражданского согласия (примирение противоборствующих сторон + фиксация достигнутых результатов в процессе реформирования). Очевидно, что любое согласие имеет свои пределы (крайности сходятся, разумеется, но тогда, когда одна крайность переходит в другую). Задача центра — локализация этих крайностей и оттеснение их на максимально далекую периферию;

2) высшие государственные интересы всегда ставятся выше конъюнктурных соображений момента;

3) стремление к примирению, но не к беспринципному соглашательству.

Центристский компромисс предполагает отказ от определенной части требований ради достижения общеприемлемого резуль-

тата, а не временное соглашение на пути окончательной победы над неправыми. Это утилитаристская модель, реализуемая через «торг» и «переговоры»;

4) взаимосвязанность политики с правовой государственностью, т. е. отказ от революционной целесообразности;

5) учет национальных традиций, включающих такие факторы, как: патриотизм; уважение к собственной истории; обычаи; культура; вера в сочетании с волей к свободе и демократии;

6) жесткая моральная позиция (но не морализаторство, а прагматическая добропорядочность), т. е. непримиримость к коррупции, аморализму. Отсюда важность морального «имиджа» центральных лидеров.

От «центра» зависит очень многое, ибо его задача — «подмораживание», временное снятие напряжения, достижение необходимых компромиссов. Задача центра — снять напряжение между оппозицией и властью, когда одно полностью исключает другое, т. е. это своего рода посредник между властью и оппозицией (умеренная оппозиция по отношению к власти, опирающаяся только на часть политического спектра). Поэтому либерал у власти центрист говорит о необходимости сильных социальных программ и внимании к национальным интересам государства, социалистам — о необходимости рынка и прав человека; националистам — о равноправии народов и наций. Он — оппозиционер в той мере, в какой власть насильственно подавляет оппозицию, и поддерживает власть, когда оппозиция пытается ее разрушить, т. е. центрист — убежденный политический реформатор, но не революционер и не радикал.

В России отсутствует фундаментальный общественный консенсус между различными политическими силами. Отсюда неизбежная слабость партии Центра. Кроме того, западные характеристики правый/левый, консервативный/либеральный не вполне адекватны для характеристики российского политического ландшафта.

Социальная база центризма не только не расширяется, но и сужается:

— средний класс постоянно разрушается;

— усиливается экономическая поляризация;

— массовые масштабы приобретает утрата общинных навыков, трудовой этики, почтения к авторитетам;

— еще не сложились гражданские ценности (социальная самостоятельность, уважение к закону, чувство собственного достоинства личности и т. д.).

В то же время наблюдается диффузия враждебности к властям, приверженность к традиционным нравственным ценностям и стихийному неприятию беззакония, т. е. страх перед новыми классовыми и национальными битвами, которых было слишком много. В этих условиях социальной базой российского центра может стать подавляющее большинство народа.

ПЕРВОЕ ПЯТИЛЕТИЕ ДЕКАБРЬСКОЙ РЕСПУБЛИКИ В РОССИИ: КОНСТРУИРОВАНИЕ ИНСТИТУТОВ И СТРУКТУРИРОВАНИЕ ИНТЕРЕСОВ

Петр ФЕДОСОВ — советник Председателя Совета Федерации РФ

В многочисленных попытках охарактеризовать политическую систему современной России можно встретить самые разные точки зрения. Одни говорят о «молодой демократии», другие об олигархии, третьи — об авторитаризме, «президентской монархии». Составляя в стороне различие политических позиций аналитиков, отметим, что в каждом из этих определений есть доля истины и они в принципе не являются взаимоисключающими. Мировой и отечественный опыт убедительно свидетельствует, что само по себе наличие демократических институтов не исключает самодержавного деспотизма, как и последний не исключает, а скорее предполагает добровольное или вынужденное делегирование властных полномочий узкой группе сменяющих друг друга фаворитов.

Единственное, в чем сходятся практически все, кто занимается анализом политической системы современной России, — это указание на ее низкую эффективность, неспособность обеспечить такое управление общественными процессами, которое создало бы благоприятные предпосылки для преодоления кризисных явлений и перехода общества к устойчивому экономическому росту в условиях гражданского мира и гарантированной преемственности основного вектора социально-экономического развития.

Правительственная чехарда 2-3 кварталов 1998 г. и многодневное безвластие весной, а потом осенью — лишний раз продемонстрировали эту неэффективность. Каковы же реальные параметры политической системы современной России, в чем причины ее неэффективности и какие меры могут и должны быть приняты для повышения ее действенности?

Все или почти все значимые властные полномочия конституция закрепляет за президентом Российской Федерации. Закрепленный конституцией принцип разделения властей имеет достаточно условный, если не ритуальный характер. Еще одна особенность конституции состоит в том, что в ней закреплён чрезвычайно сложный механизм принятия конституционных поправок.

Всякая конституция, сконструированная в кабинетной тиши и принятая в определенной общественно-политической обстановке, представляет собой своего рода эксперимент с негладким результатом: функциональная пригодность создаваемых ею институтов — структур и норм их функционирования — изначально не более, чем гипотеза. Существует только один способ проверить правильность этой гипотезы — это политическая практика. Забегая наперед, скажем, что за прошедшие 5 лет практика в принципе доказала функциональную пригодность декабрьской конституции, но и продемонстрировала ее несовершенство, выявила необходимость развития и уточнения многих ее положений.

Прежде всего это издержки, связанные с гипертрофированным объемом президентских полномочий. Их деструктивные последствия наиболее очевидны в отношении правительства. Кандидатура премьера и состав правительства никак не связаны с соотношением сил в Думе. Теоретически правительство может не иметь ни одного сторонника в нижней палате парламента. Еще проблематичнее то, что решение об отставке правительства президент принимает единолично, без каких-либо консультаций и ограничений. В результате правительство оказывается в абсолютной зависимости от фактически неограниченного произвола президента. Понятно, что в этих условиях серьезным политиком общенационального масштаба премьерский пост кажется мало привлекательным. Правительство низводится до уровня технического органа, и это в условиях, когда России более всего необходимо твердое и авторитетное управление.

Другая сторона проблемы — ограниченность прав парламента. В большинстве случаев президентское правительство не чувствует себя ограниченным принимаемыми парламентом законами — их всегда можно обойти с помощью президентских указов, а в критических случаях, например, при отказе Думы утвердить представляемый правительством проект бюджета, пригрозить нижней палате роспуском.

Это положение имеет весьма серьезные последствия. Главное из них то, что влиятельные группы интересов не считают целесообразным добиваться представительства в парламенте. Формирующие его политические партии оказываются оторванными от реального процесса структурирования интересов и остаются преимущественно идеологическими организациями. Между тем, реальные

группы интересов ищут теневые пути представления и реализации своих целей и находят их преимущественно в установлении прямых и небескорыстных контактов с чиновниками в структурах исполнительной власти.

Специфические последствия такое положение дел имеет для деятельности и развития верхней палаты парламента — Совета Федерации. В конституционном отношении он оказывается полностью оторванным от структур федеральной исполнительной власти. Это усугубляет и без того сложные проблемы функционирования властной вертикали в федеративной России.

Возможность федеративных отношений в исторически преимущественно унитарной России до недавнего времени вообще была лишь гипотезой. Подавляющее большинство современных федераций — результат объединения прежде независимых государств, а не децентрализации государства, фактически унитарного и федеративного лишь по названию.

Сегодня нельзя еще сказать, что федеративный эксперимент в России благополучно завершен. Но надежды на его успех за время прошедшее после принятия конституции 1993 года, явно укрепились. Главное, что происходит реальная децентрализация власти. И хотя этот процесс в значительной степени носит бессистемный характер и порой напоминает стихийное перетекание власти из центра в регионы, он незаменим для включения интеллектуального и волевого потенциала регионов в моторику российских реформ, без чего их успех невозможен.

Не менее важно и то, что за последние годы дискуссии между регионами и центром спустились с опасного уровня «конфликта ценностей», когда каждая сторона настаивает на своей «безусловной и священной» правоте, а торг и компромиссы невозможны, на гораздо более функциональный уровень конфликта интересов, где торг и компромиссы не только возможны, но и необходимы и желательны. Этому способствовало то, что в диалог по федеративной проблематике после 1994 года в массовом порядке включились русские регионы — края и области. (До этого момента основной движущей силой федерализации были национальные республики в составе РФ). В результате ослабла этническая составляющая дискуссий, а с ней притихли и те не всегда оправданные страсти и эмоции, которые неизбежно связаны с национальным вопросом. Децентрализация власти — процесс объективный и не-

обходимый для оптимизации управления усложняющимися системами и приближения власти к гражданину. Вопрос — в конкретных формах его протекания.

Политическая слабость и низкая дееспособность федерального правительства побуждает и даже заставляет руководителей регионов — губернаторов и президентов — брать на себя решение все более широкого круга вопросов, в том числе и не входящих по закону в сферу их компетенции, таких, например, как жизнеобеспечение воинских частей, прокуратуры, судов и т. п. Это обстоятельство особенно ярко проявилось во время нынешнего кризиса. В то же время политические позиции и степень политической самодостаточности всех руководителей регионов резко возросли после того, как в 1995—1997 годах постепенно был осуществлен переход от назначения губернаторов президентом России к их прямому избранию населением регионов. Избранные губернаторы в значительной степени независимы от федерального центра, тем более, что конституция России не содержит норм федерального вмешательства (смещения избранных региональных лидеров в случае нарушения ими положений федеральной конституции). Пока же нарушения или положений федеральной конституции. Показательно, что в ряде регионов России устанавливаются и установлены политические режимы, которые в свою очередь весьма далеки от идеалов представительской демократии и по самому мягкому счету могут быть охарактеризованы как делегативные демократии. Все это позволяет определить нынешний период преобразования властных институтов в России как президентско-губернаторский.

Согласно закону о порядке формирования Совета Федерации, эта палата парламента состоит из губернаторов российских провинций и руководителей региональных законодательных органов. В контексте описанного выше процесса перетекания центра тяжести исполнительной власти из центра в регионы непричастность Совета Федерации к формированию и деятельности правительства создает противоестественную ситуацию, когда именно те люди, которым в регионах ежедневно и ежедневно приходится взаимодействовать с правительством и результатами его деятельности, как законодатели в Москве не имеют никаких рычагов взаимодействия с ним.

Эти все более осязаемые несовершенства действующей конституции заставляют ставить вопрос о подготовке конституционных поправок. Этот вопрос также имеет свою историю. Первоначаль-

но он выдвигался коммунистами с позиций общего идеологического неприятия декабрьской политической системы. В этом качестве он отвергался по существу всеми некоммунистическими политическими силами и властными институтами России. Постепенно (особенно по мере фактического превращения коммунистической оппозиции из антисистемной в системную) идеологическая компонента теряла свою значимость, между тем как компонента прагматическая — реальный опыт неэффективности ряда положений основного закона — нарастала. Наконец — в январе 1997 года — идею совершенствования конституции озвучил один из наиболее прагматичных и осторожных политиков России Председатель Совета Федерации Егор Строев. Первая реакция политического класса была скорее отрицательной, а президента — резко отрицательной. За прошедшее время ситуация коренным образом изменилась. Необходимость конституционных поправок в части усиления позиций правительства, регионов и Совета Федерации, а также по ряду других позиций фактически общепризнанна. В ходе нынешнего кризиса изменилась наконец и позиция президента.

Остановить рост массового протеста силовыми методами сегодня практически невозможно: первые же попытки точечного применения силы вызовут цепную реакцию акций солидарности, для купирования которых у властей нет достаточно многочисленных и лояльных репрессивных сил. Для переключения вектора массовых настроений с протестных акций на продуктивный труд даже при наиболее благоприятном развитии событий необходимо достаточно продолжительное время. Единственным реальным средством сдерживания роста протестных акций является маневрирование материальными средствами; способ координация протестных акций в масштабах страны, их асинхронность и достаточно благополучная обстановка в Москве и других «нервных центрах» России в принципе позволяют достаточно долго сдерживать превращение очагов протеста в единый общенациональный взрыв. Дело за соответствующими технологиями и достаточно профессиональным управлением кризисом.

Временные ресурсы такого менеджмента по определению ограничены. Но выигрышаемые с его помощью недели и месяцы необходимо использовать для скорейшей консолидации элит и резкого повышения уровня управления страной. Ощущение такой необходимости зримо нарастает практически среди всех властно-

собственнических группировок. Движение в этом направлении происходит медленно и трудно, и это также в значительной степени объясняется институциональными факторами — положениями российской Конституции. Дело в том, что в нынешней ситуации, когда президенту принадлежит практически вся полнота власти и, таким образом, победитель президентских выборов «получает все», любые политические блоки носят эфемерный характер и разбиваются о вопрос «кто главный». При отсутствии признанного общенационального преемника нынешнего президента на эту роль с примерно равными шансами могут претендовать несколько ведущих политиков. Таким образом, те самые акторы, которые в принципе могли бы быть знаковыми фигурами консолидации элит, оказываются втянутыми в бескомпромиссное соперничество друг с другом.

Выходом из этого тупика могло бы стать только изменение институциональных основ российской политической системы.

Вообще политический кризис ранней осени 1998 г. и поиск путей его урегулирования серьезно продвинули эту важнейшую работу. Парафировано четырехстороннее соглашение (ГД, СФ, Правительство, Президент), в котором принятие конституционных поправок признано одной из приоритетных задач. 4 сентября Совет Федерации принял решение «в месячный срок разработать и внести в качестве законопроекта первоочередные конституционные поправки».

Однако до сих пор мнения участников относительно общего вектора и характера этих поправок расходятся.

Думский комитет по конституционному законодательству разработал ряд поправок, которые, с одной стороны, уменьшают зависимость правительства от президента, но с другой: а) резко повышают его зависимость от ГД (согласование с Думой ключевых министров; право Думы выражать недоверие отдельным членам правительства); б) существенно урезают право Совета Федерации (назначение судей КС, ВС и ВАС, Генпрокурора, участие в повторном рассмотрении федеральных законов, отклоненных президентом). Таким образом, думский проект предполагает эволюцию от сверхпрезидентской — к парламентской республике и от бикамерализма — к однопалатности.

Администрация президента вкладывает в понятие конституционных поправок совершенно иной смысл. Предлагается взяться разом за все ставшие очевидными проблемы и прежде всего по

гл. 3 (федеративное устройство) с тем, чтобы через 2-3 года осуществить капитальную ревизию Основного Закона в целом.

Такой подход откладывает «до греческих календ» внесение поправок, остро необходимых уже сейчас, а скорее даже обрекает весь проект на неудачу. Дело в том, что начинать процесс внесения поправок с федеративного раздела — значит выпустить из бутылки такого джина, которого неконсолидированная федеральная власть никогда уже не загонит обратно.

В Совете Федерации разрабатывается и обсуждается третий проект. Смысл его в том, чтобы разбить всю задачу на 2 этапа. «Малый пакет конституционных поправок» должен включать в себя лишь остро необходимые новации, касающиеся разделения властей на федеральном уровне. Их вектор — от сверхпрезидентской — к президентско-премьерско-парламентской федеративной республике. Эти поправки в принципе согласованы в четырехстороннем соглашении и могут быть приняты Федеральным Собранием с последующим утверждением 2/3 субъектов РФ. Между тем «Большой пакет конституционных поправок», включающий в себя также поправки к статьям 1, 2 и 3 глав, может постепенно разрабатываться четырехсторонней рабочей группой и приниматься Конституционным собранием ранней весной 2000 года.

К концу первого пятилетия своего существования декабрьская республика в России стоит перед выбором: решительное и планомерное самообновление на основе широкого общенационального компромисса или сползание в чрезвычайщины и неуправляемые процессы. Остается надеяться, что потенциал конструктивных сил достаточен для того, чтобы повести страну по первому из этих двух путей.

СОВРЕМЕННЫЙ КРИЗИС В КОНТЕКСТЕ ОЦЕНКИ ПОЛИТИЧЕСКОГО ПРОЦЕССА В УКРАИНЕ

Микола ТОМЕНКО — директор Института политики

Нынешняя дискуссия о природе украинского кризиса фактически определила логику и последовательность ее развития. Большинство государственных деятелей, политиков и ученых склонны считать, что финансовый кризис в Украине стал первопричиной социально-экономического кризиса, который, соответственно, может перерасти в политический. Кроме этого, среди факторов, вызвавших финансовый кризис в нашей стране, геозкономические называются доминирующими. *По мнению экспертов Института политики, вышеуказанный подход методологически неправилен.* Наш анализ свидетельствует о целомом противоположной логике возникновения и развития кризиса в современной Украине. *На первом этапе кризисное состояние следует связывать с политическими обстоятельствами, вызвавшими социально-экономический кризис. Только на последнем этапе выразился финансовый кризис.*

Для аргументации наличия в Украине политического кризиса рассмотрим характеристики ее составных. Политическая наука отличает правительственный кризис, кризис политической системы и политического режима как разновидности политического кризиса вообще. По нашему мнению, в Украине имеем как минимум правительственный кризис и кризис политической системы. Для анализа наличия правительственного кризиса следует взять характеристики правовой, политической и общественной легитимности сегодняшнего Кабинета Министров Украины. Из вышеупомянутого можем говорить о формальной правовой легитимности, достигнутой при утверждении Премьер-министром Валерия Пустовойтенко. Напомним, что его кандидатуру поддержали 226 народных депутатов, ровно столько, сколько необходимо для утверждения согласно Конституции Украины. Когда речь идет о политической легитимности, то правительство таковой не имеет с первого дня функционирования. Деятельность Кабмина на протяжении одного года и почти двух с половиной месяцев происходит без рассмотрения и одобрения Программы деятельности правительства или других документов идеологического или стратегического характера социально-экономических изменений.

Общественная поддержка украинского правительства на протяжении срока его деятельности существенно снижается. Так, по данным Института социологии НАН Украины, фирмы «Социс-Геллап» и Фонда «Демократические инициативы» уровень доверия к правительству на протяжении 1997–1998 годов изменился таким образом: летом 1997 года количество граждан Украины целиком доверявших или скорее доверявших, чем не доверявших правительству, составлял 9,5%, а летом 1998 года — 7,7%. Соответственно, количество граждан совсем не доверявших или скорее не доверявших чем доверявших в 1997 году — 50,3%, а в 1998 — 62,1%, понятно, что замер октября нынешнего года показал еще более угрожающую тенденцию общественной неподдержки действующий Кабинета Министров Украины. Итак, имеются все основания говорить о наличии правительственного кризиса в Украине. В связи с этим своеобразный характер приобрела дискуссия об отставке правительства.

Накануне парламентских слушаний отчета правительства в масс-медиа широко распространялась и пропагандировалась идея, которую высказывали многочисленные деятели разных политических направлений: отставка правительства крайне опасна в данной экономической ситуации. Интересно, что подобная позиция характеризовала полностью противоположные по идеологическими ориентациями политические партии и депутатские фракции. Особенно интересной выглядела позиция КПУ, которую озвучил один из лидеров партии, заместитель председателя Верховного Совета Украины Адам Мартынюк. Второй секретарь КПУ, в частности, сказал: «...сегодня, по моему твердому убеждению, правительство отправлять в отставку опасно». (СТБ, «Окна», 05.10.98. 19.00.). Президент Украины Леонид Кучма накануне парламентского слушания отчета правительства предложил, в случае принятия решения о недоверии предложить пост премьер-министра лидеру КПУ Петру Симоненко. (Стоит отметить, что именно эту идею в парламенте озвучила ПСПУ). Таким образом, глава государства предупредил, что в случае, когда депутаты отправят в отставку это далеко не идеальное правительство, то он предложит еще хуже. Парадоксально, что концептуально логика политических действий КПУ и команды Президента Украины совпала. Что касается других влиятельных политических институтов, то самое большое признание Кабинету Министров Валерия Пустовойтенко выразили НДП и

СДПУ (о). ПЗУ, СелПУ заявили, что они не поддерживают это правительство, но не считают, что в условиях социально-экономического кризиса его отставка является целесообразной. НРУ предложил компромисс в виде перенесения проблемы формирования нового правительства во внесессионный режим и путем консультации и согласований сформировать новый состав правительства.

Что касается экспертов, то они тоже в большинстве своем склонялись к мысли о нецелесообразности и даже вредности отставки правительства в нынешних условиях. На протяжении нескольких недель накануне рассмотрения в парламенте вопроса о дальнейшей судьбе правительства в СМИ активно цитировались мысли ведущих ученых и аналитиков исключительно в пользу идеи о сохранении нынешнего правительства на период кризиса.

Другими аргументами, которые они предлагали государственным деятелям (Л. Кучме, В. Горбулину, В. Медведчуку и другим), были замечания о невозможности применения в Украине итальянской практики частых смен правительства и взаимозависимости проблемы отставки правительства и национальной безопасности страны.

По мнению экспертов Института политики, вопрос отставки правительства в Украине или любой другой стране в первую очередь связан с наличием законодательно и процессуально определенной процедуры роспуска действующего и назначения нового правительства. Именно поэтому целесообразность дальнейшего существования Кабинета Министров должна определяться профессиональной способностью членов правительства контролировать социально-экономическую ситуацию в стране и обеспечивать исполнение собственной программы деятельности, прошедшую общественно-политическую легитимацию. Все другие и, в частности, внешние факторы, носят лишь конкретный и непринципиальный характер при рассмотрении этого вопроса. Поэтому нынешнее правительство, продолжающее собственную деятельность без единого программного документа и при котором показатели социально-экономического состояния страны приобрели критический характер, по этой логике должен уйти в отставку. Главная же проблема состоит не в этом. Как в условиях украинского законодательства сформировать новый Кабинет Министров, чтобы обеспечить его политическое и общественное признание, профессиональный уровень, прогнозируемость и эффективность действий. При этом напомним, что кратковременность деятельности правительства не яв-

ляется угрожающим показателем стабильности в государстве. Если анализировать историю становления европейских стран молодой демократии, то имеем следующую картину.

Даже французский опыт, на который часто ссылаются в связи со сходством конституционной модели Франции и Украины, свидетельствует, что в период с 1959 по 1993 год сменилось 30 правительств (в среднем это составляет 1 год и 4 месяца на каждый из них). В период с 1974 по 1990 год в Греции сменилось 10 правительств; в Италии с 1947 по 1992 год — 45, в Португалии с 1976 по 1991 год — 13 правительств.

Итак, довольно частая смена правительства не была фактором прерывания процессов демократизации и становления рыночной системы в европейских странах.

Поименное и тайное голосование главных депутатских фракций и политических партий Украины о судьбе нынешнего правительства от 13 октября 1998 года четко обозначили количество приверженцев правительства В. Пустойтенко. За отставку правительства в поименном режиме голосования высказались 203 народных депутата, за поддержку действий правительства (Постановление предложено НДП в тайном режиме) — 105.

Эти результаты голосования засвидетельствовали существование политически-партнерских связей между НДП, СДПУ (о), СелПУ, ПЗУ и ПСПУ. Что же касается политического сотрудничества между КПУ, СПУ и «Громадой», то оно тоже продолжает существовать. Однако действуют также ситуативные, но функциональные блоки. Показательным примером в этом плане является активная критика деятельности НБУ и его главы Виктора Ющенко, где КПУ поддержала инициативы СДПУ (о) и СелПУ о снятии В. Ющенко с поста. Во время рассмотрения вопроса об отчете НБУ против признания деятельности банка удовлетворительной выступило 110 депутатов из 115 (КПУ), 21 из 21 (СПУ), 12 из 12 (ПСПУ), 16 из 18 (СДПУ (о)) и 8 из 11 (СелПУ). Напомним, что именно эти фракции стали основой договоренности во время избрания А. Ткаченко Председателем Верховного Совета Украины. Итак, политическое холдингование парламента продолжается.

Когда речь идет о кризисе политической системы, то его основным признаком следует называть несоответствие действий субъектов политической системы Конституции и законам Украины. На протяжении рока действия новой Конституции Украины, а осо-

бенно в последний год, в Украине четко очертились противоречия между конституционной системой политических отношений и реально существующей. Особенную опасность представляет нивелирование законодательно определенной системы деления власти и разграничения полномочий между органами государственной власти и органами местного самоуправления. Можем констатировать наличие в Украине двух центров законотворчества — Верховного Совета и Президента, что принципиально противоречит букве и духу Основного закона Украины.

Поскольку сегодня отсутствует новый закон о Президенте Украины, а закон о Кабинете Министров Украины принят Верховным Советом Украины после принятия Конституции Украины, не подписан Президентом, имеем не четко определенные процессуальные основы нормативно-правовой деятельности Президента.

Право законодательной инициативы главы государства, предусмотренное Ст. 93 Конституции Украины, дает возможность Президенту определять законопроекты как неотложные (которые Верховный Совет Украины должен рассмотреть вне очереди). Вместо того, роль и содержание указов Президента в системе законодательной деятельности в государстве, остается пока что вне внимания экспертов и аналитиков и содержит ряд невыясненных и дискуссионных вопросов.

Пункт 4 Раздела XV «Переходные положения» дает Президенту Украины право издавать указы с экономических опросов, не урегулированных законами. Но этот же пункт поставил ограничение в использовании такого «чрезвычайного» законотворчества:

1. Указ должен быть утвержден Кабинетом Министров Украины, скрепленный подписью Премьер-министра Украины.

2. Издание указа сопровождается одновременной подачей в Верховный Совет Украины соответственного законопроекта, который рассматривается Верховным Советом в первую очередь.

3. Указ вступает в силу лишь в том случае, если на протяжении 30 дней со дня подачи законопроекта (за исключением дней межсессионного периода) Верховный Совет Украины не принимает закон или не отклонит поданный законопроект конституционным большинством.

4. Нормы указа, который вступил в силу, действуют до обретения действия соответственного закона, принятого Верховным Советом Украины.

5. Право издавать такие указы принадлежит Президенту Украины лишь на протяжении трех лет после приобретения действия Конституцией Украины (до 28 июня 1999 года).

Таким образом, оценка юридической корректности указов Президента Украины, издаваемых в последнее время с посланием на «Переходные положения» Конституции, должна включать в себя анализ не только содержательной части этих документов, но и соответствия в придерживании предусмотренной Конституцией процедуры.

Конституционность указов основывается на логическом толковании, согласно которому вопросы, не урегулированные законами, различаются таким образом:

- правоотношения, которые ни непосредственно, ни посредственно даже не упоминаются в действующих законах;
- правоотношения, которые регулируются действующими законами, однако имеют существенные противоречия, требуют доработки главным образом в процессуальной части.

По мнению автора, в полной мере отвечают изложенному в Конституции значению только те вопросы, которые принадлежат к первой группе.

Осуществленный анализ последних указов нашел, что самой большой является категория указов по вопросам, урегулированным действующим законодательством, но, по мнению Президента, нуждаются в определенной коррекции и изменениях.

Логика разрешения данной ситуации проходит через рассмотрение настоящего законодательства в государстве. Конституция Украины закрепила принцип разделения властей в Украине, а Ст. 75 определяет «единственным органом законодательной власти» парламент.

В полномочия Верховного Совета Украины (п. 3 ст. 85) входит принятие законов. А часть вторая ст. 92 определяет, что исключительно законами Украины устанавливаются государственный бюджет и бюджетная система, система налогообложения, налоги и сборы, засады создания и функционирования финансового, денежного, кредитного и инвестиционного рынков, статус национальной валюты, и иностранных валют на территории Украины, порядок создания и погашения государственного внутреннего и внешнего долга, порядок выпуска и оборота государственных ценных бумаг, их виды и типы.

Таким образом, можно утверждать, что указы Президента Украины, издание на основании «Переходных положений» являются соответствующими Конституции Украины только в случае регулирования процессуальных норм права, и ни в коем случае — материальных норм. Среди указов Президента, изданных в июне-сентябре 1998 года большей частью, речь идет об урегулировании или изменении материальных норм. То есть, по своему содержанию и характеру они не отвечают Конституции Украины. Любые исключения в данном случае невозможны в силу действия части второй Ст. 6, части второй Ст. 8. Кроме того, часть 2 Ст. 19 Конституции Украины предусматривает, что органы государственной власти (то есть и Президент Украины) «обязаны действовать только на основании, в рамках полномочий и способом, предусмотренными Конституцией и законами Украины».

Такая ситуация должна содействовать или коррекции конституционно определенной системы политических отношений или другим, более радикальным способом разрешить проблему несоответствия законодательной и реально существующей модели политической системы.

Когда речь идет о других традиционных институтах политической системы, которыми являются политические партии, то стоит указать на недопустимые различия между программными основами и реальной парламентской практикой деятельности большинства политических партий. При таких обстоятельствах в Украине фактически создана система взаимоотношений, характеризующаяся непубличностью и непрозрачностью принятия политических решений. Можем говорить даже о приоритете теневой политики над реальной и, соответственно, о приоритете политики, естественно, теневой, над экономикой. Такое послание дает основания говорить о другом подходе в толковании природы украинской теневой экономики. Итак, имеем все основания зафиксировать кризис политической системы в современной Украине.

Наличие правительственного кризиса и кризиса политической системы являются необходимыми, хотя и недостаточными причинами возникновения кризиса политического режима, что при обстоятельствах угрожающих размеров ухудшения социально-экономической и финансовой ситуации может стать вполне реальной.

Однако вернемся к нашему главному тезису. Для определения оптимальной программы антикризисных мер необходима адекват-

ная оценка характера украинского кризиса. Если финансовая нестабильность является следствием социально-экономического и, соответственно, политического кризиса, то и характер мер должен иметь соответственную последовательность и системность. В другом случае, предложенные действия Президента Украины, Правительства и Национального банка будут ситуативными и поверхностными, а неспособность контролировать и управлять ситуацией может принципиально воздействовать не только на материальное положение граждан и результаты следующих президентских выборов, а и на политический курс Украины.

**Адрес издательства
«ПОЛІТИЧНА ДУМКА»:**

Украина,
252030, г. Киев-30,
ул. Леонтовича, 5, комн. 406.
Тел./факс: (044) 225-02-29

Макет:
Владислав ПОЛОХАЛО